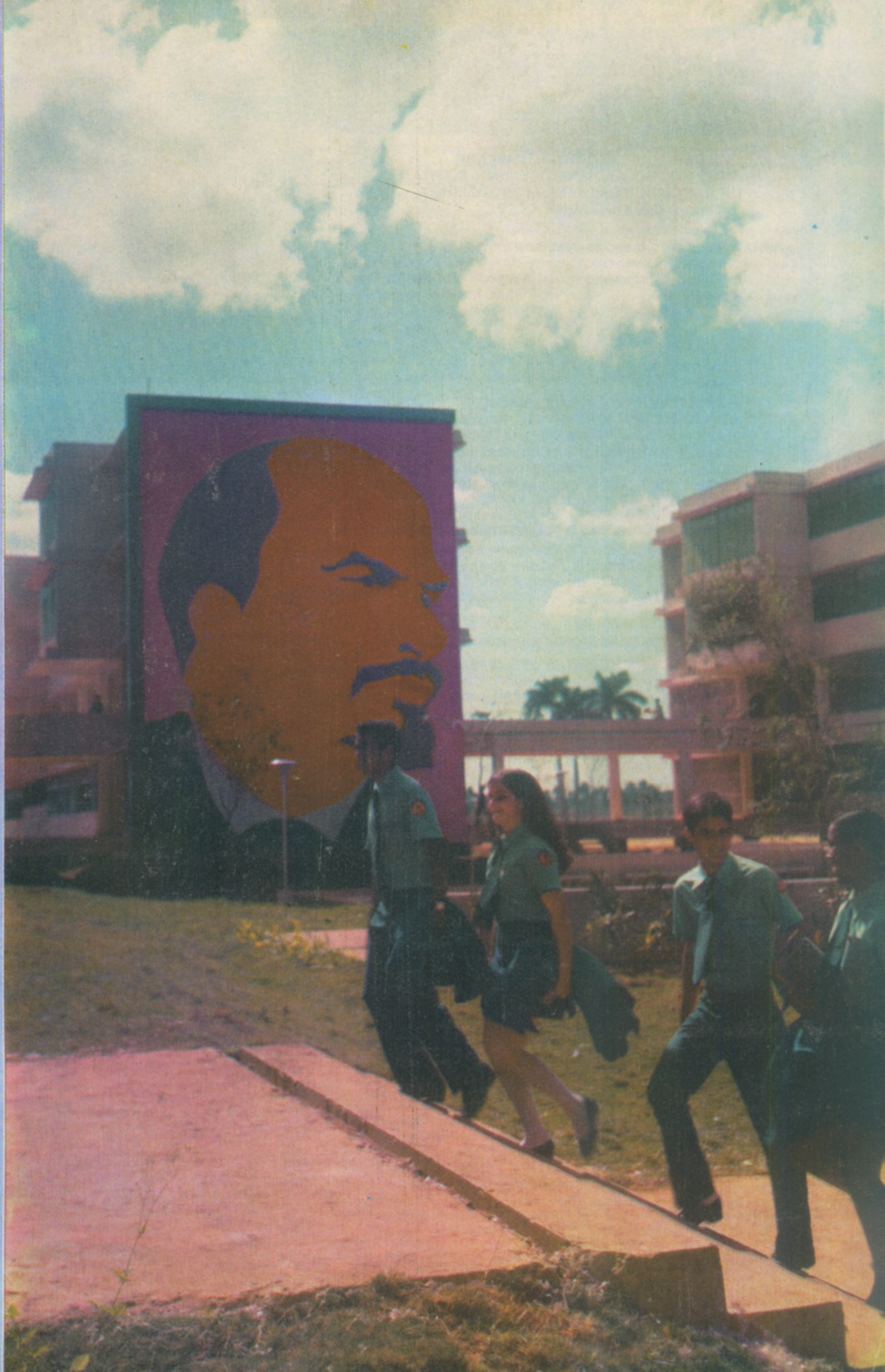

POBBECCHIYIK 4 1982

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Апрель, 1982 год, № 4

В НОМЕРЕ:

**НАВСТРЕЧУ XIX СЪЕЗДУ ВЛКСМ
ЭПИЗОДЫ ИЗ ЖИЗНИ МОЛОДЕЖИ
ДВУХ МИРОВ — МИРА СОЦИАЛИЗМА
И МИРА КАПИТАЛА, РАССКАЗАННЫЕ
СОВЕТСКИМИ И ИНОСТРАННЫМИ
ЖУРНАЛИСТАМИ И САМИМИ УЧАСТ-
НИКАМИ СОБЫТИЙ**

На первой странице обложки: учащиеся школы имени В. И. Ленина в Гаване, члены Союза молодых коммунистов Кубы, который в апреле 1982 года отмечает свое двадцатилетие.

Фото А. ЛИБЕРМАНА

4. АМЕРИКАНСКАЯ ВОЕННАЯ УГРОЗА!
6. М. Бергер. ДРУЖИТЬ ДОМАМИ
9. Икс Мур. «РАССЛАБЬТЕСЬ ГОДИКА НА ДВА...»
12. Хейко Гебхардт, Кай Херманн. ПОЧТИ СЛУЧАЙНАЯ СМЕРТЬ
15. КТО ВИНОВАТ?
16. Татьяна Корсакова. ДОМ КАК ДОМ
19. Геннадий Петров, Валерий Кучеров. ВНЕ ИГРЫ
21. Линн Хенна. БЫТЬ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ДУМАЮЩЕЙ ЛИЧНОСТЬЮ
22. Пол Дю Нойер. ТЕМА ДЛЯ ПЕСНИ
24. Клод Бонжан. КАК УЖИТЬСЯ ЛЮДЯМ ДРУГ С ДРУГОМ
26. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
28. Роберт Шекли. ПРЕМИЯ ЗА РИСК. ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ, А. С. ГРАЧЕВ, Ю. А. ДЕРГАУСОВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, А. А. КАВЕРЗНЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (зам. главного редактора).

Художественный редактор Е. А. Гричук
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор А. Т. Бугрова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а.

Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 17.02.82. Подп. к печ. 22.03.82. А03252. Формат 84×108¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 1 000 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 169.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Суцевская ул., 21.

ГВАТЕМАЛА. Ассоциация университетских студентов Гватемалы выступила с решительным осуждением решения США о производстве нейтронной бомбы. Гватемальские студенты заявили, что это решение является еще одним преступлением американского правительства против всего человечества, акцией, которая ставит под угрозу само существование цивилизации.

ПНОМПЕНЬ. На стадионе в столице Кампучии состоялось первое после освобождения от полпотовского режима представление школы классического балета, который ведет свое начало с IX века. В школе под руководством 15 воспитателей занимается 500 детей, большинство из которых — сироты. Предполагается в дальнейшем школу расширить. Концерт маленьких танцовщиц и танцоров — один из первых шагов к возрождению древней кхмерской культуры, почти уничтоженной полпотовцами. Такая же работа ведется в Народном музее, при котором создана школа художественных искусств: здесь возрождаются старинные ремесла, рождаются новые современные виды искусства.

На снимке: за годы после освобождения в Пномпень вернулось около 300 тысяч жителей. Теперь улицы недавно мертвого города наполнились жизнью.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ГААГА. Молодежь Голландии принимает активное участие в движении за мир и разоружение, против размещения на территории страны новых американских ракетно-ядерных средств. Муниципалитеты в Северной Голландии и городе Роттердаме приняли решение не размещать в черте городов и прилегающих к ним районах ядерное оружие, не допустить складирования там ядерных боеголовок.

На с н и м к е: мирные выступления молодых голландцев состоялись в столице и во всех провинциях страны.

ХАРТУМ. В столице Судана закрыты на неопределенное время вузы и многие школы. Местные власти приняли это решение после того, как в Хартуме вспыхнули студенческие волнения, вызванные тяжелым материальным положением учащихся. При разгоне демонстраций полиция применяла слезоточивый газ, проведены массовые аресты демонстрантов.

ВАШИНГТОН. Десятки тысяч молодых американцев — белых и черных — приняли участие в марше, посвященном памяти выдающегося негритянского борца за гражданские права Мартина Лютера Кинга, требуя, чтобы день его рождения был объявлен в США национальным праздником. В заявлении Союза молодых рабочих за освобождение по этому поводу сказано: «...мы будем чествовать Мартина Лютера Кинга как великого американца, чья жизнь и идеи оказали влияние на всех нас — черных

и белых. Доктор Кинг посвятил всю свою жизнь борьбе за гражданские права, равенство и мир... Союз считает, что проведение марша приобретает особое значение именно сейчас, когда многие завоевания движения, возглавляемого доктором Кингом, подвергаются яростным нападениям... Молодые люди нашей страны должны все вместе бороться против наступления на их основные права, завоеванные с таким трудом».

ГАВАНА. В настоящее время более двух тысяч кубинских врачей работают в 26 странах, прежде всего в развивающихся государствах. Многие кубинские медики едут работать добровольцами в страны, которые совсем недавно получили экономическую независимость и особенно остро ощущают нехватку в квалифицированных медиках. Так, немало кубинцев работает в больницах Эфиопии, Гренады, Никарагуа. Успехи, достигнутые Кубой в области медицины, — одно из важнейших завоеваний кубинской революции. В год революции в стране было лишь 3 тысячи врачей, сейчас их насчитывается 16 тысяч, предполагается, что к 1985 году эта цифра достигнет 20 тысяч. Если до революции медицинскую помощь можно было получить только в городах, то сейчас квалифицированными медицинскими кадрами располагают все районы страны.

МОНТЕВИДЕО. Международный союз студентов осу-

дил новую волну репрессий реакционного режима Уругвая против студенческого движения страны. МСС заявил протест против того, что за последнее время десятки молодых уругвайцев были арестованы, многие из них подверглись жестокой пытке, немало студентов просто «исчезло».

БРАТИСЛАВА. Журнал Социалистического союза молодежи Чехословакии «Младый свет» рассказал об интересном опыте братиславских студентов. В общежитии «Молодая гвардия», где живут учащиеся технических вузов столицы Словакии, уже более двадцати лет работает самостоятельная радиостудия. В ней все было сделано руками самих студентов, и сейчас нет ни одного штатного работника. Радиопередачи студии пользуются большой популярностью. Вот их примерная программа. Понедельник — день литературной редакции: студенты читают свои стихи, рассказы, рецензии на прочитанные книги, прослушанную музыку; вторник — день публицистики: комментарии к событиям за неделю в республике, за рубежом, в общежитии; среда — новые звукозаписи; четверг — передачи для любителей джаза; пятница — музыкальные портреты; воскресенье — передачи по заявкам радиослушателей. В субботу радиостудия, в актив которой входит более 50 членов ССМ, отдыхает.

На с н и м к е: идет передача студийной программы.

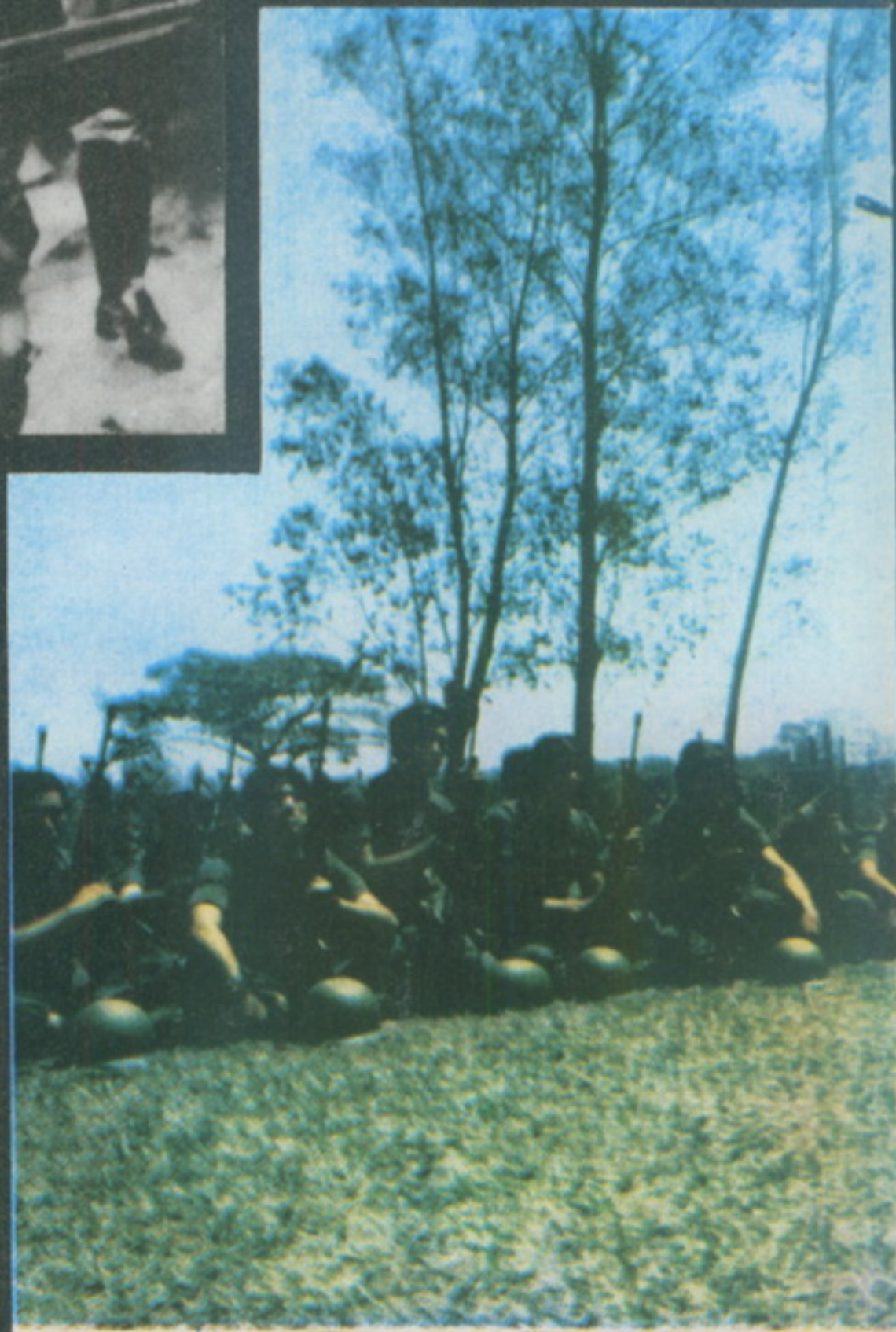

АМЕРИКАНСКАЯ ВОЕННАЯ УГРОЗА!

Эти снимки, обошедшие мировую печать,— одно из документальных свидетельств угрозы, которую несет народам американский империализм. На них запечатлена, так сказать, «малая механизация» невиданных по своему размаху военных приготовлений США, направленная наряду с многомиллиардными программами вооружений на устрашение и военное вмешательство в жизнь тех стран и народов, которые не желают следовать американской указке.

В разбросанных по всей стране тренировочных лагерях (особенно много их во Флориде) идет подготовка «человеческого материала» к большим и малым войнам, к агрессии против социалистической Кубы и борьбе с патриотами Сальвадора и Никарагуа, отрабатываются варианты военного вмешательства на Ближнем Востоке, разыгрывается жуткий фарс истязаний, которым якобы будут подвергнуты американские солдаты, захваченные в плен.

Подогреть ненависть осевшего в США контрреволюционного отребья, научить его уничтожать и убивать, «ознакомить» собственных солдат с условиями военных действий на чужих территориях, воспитать в них навыки и мораль агрессоров — таков смысл «тренировок», учебных маневров и инструктивных занятий на местности, осуществляемых Пентагоном и ЦРУ.

НАВСТРЕЧУ СЪЕЗДУ ВЛКСМ

ЦК ВЛКСМ и ЦС ССНМ будут и в дальнейшем всесторонне развивать и совершенствовать сотрудничество наших организаций в области прямых дружественных связей, главное внимание уделив связям первичных, районных, городских, областных (окружных) комитетов ВЛКСМ и ССНМ.

Из Программы всестороннего сотрудничества Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи и Союза свободной немецкой молодежи на 1980—1985 годы

Рига и Росток дружат домами: обмениваются опытом, помогают в работе, бывают друг у друга на праздниках, проводят конкурсы профессионального мастерства, посылают в гости детей. Недавно ребята из Рижского Дворца пионеров были гостями Ростокского Дома пионеров, где участвовали в выставке изобразительного и прикладного искусства, а потом принимали в Риге пионерскую яхту «Будь готов!» из Ростка. У комсомольцев Латвийского морского пароходства с 1974 года договор о долгосрочном сотрудничестве с организацией Союза свободной немецкой молодежи комбината судоходства и портового хозяйства Ростка, идет соревнование докеров обоих портов, досрочно и с высоким качеством обрабатываются суда. А в настоящее время обсуждается вопрос о создании интернационального экипажа на линии Рига — Росток. Все это называется «Мостом дружбы».

Рига и Росток дружат домами, как добрые соседи.

1. ЧТО ИЩЕТ ТОКАРЬ!

Андрей Божок, молодой токарь Рижского судоремонтного завода, настраивает станок и вслух комментирует для непосвященных свои действия, чтоб было понятней. Это для меня, потому что и Андрей, и стоящий рядом Володя Митрофанов, токари пятого разряда, мастера, к которым приходят технологи, инженеры посоветоваться.

Следует сказать, что мнение мое об Андрее и Володе было предвзятым, потому что я заранее знал, что они не просто мастера высокого класса, но и победители международных конкурсов профессионального мастерства: Божок — в Ростке (2-е место), Митрофанов — в Риге (1-е место).

В «высшую лигу» Андрей вышел довольно быстро. После восьмого класса поступил в СГПТУ № 22, готовящее рабочих для судоремонтного. Место было проверенное: здесь уже учился старший брат Петр, хвалил и звал. Выбор оказался правильным, потому что уже через несколько лет Андрей работал на заводе по четвертому разряду, а победив в общегородском

конкурсе молодых токарей, получил согласно положению о конкурсах пятый разряд.

Как лучший, Божок и был направлен в Росток на конкурс токарей из городов-побратимов: Риги, Ростка, Щецина и Варны.

Ну что Росток? Город, конечно, впечатляет. Но главное — дизелестроительный завод, где проводился конкурс. Было там на что посмотреть. Например, на строгальный станок длиной в стометровую дистанцию. Говорят, самый большой в городе или в Европе. Андрей, честно говоря, не запомнил, но станок понравился. Отметил также и то, что никто в рабочее время не ходит по цеху. Вообще. Категорически. Тоже понравилось.

Конкурс начался почти как обычный рабочий день: провели инструктаж по технике безопасности — вводный и на рабочем месте. Инструктаж на немецком был понятен всем участникам конкурса: к каждому был приставлен переводчик.

Состоялась жеребьевка, кому на каком станке работать. Заранее, еще до поездки в Росток, Андрей смотрел присланные организационным комитетом краткие технические описания станков (марка не указывалась специ-

ально) и по параметрам некоторых ключевых узлов прикинул, что работать предстоит на станке, похожем на его 16К20.

Действительность подтвердила это предположение. Андрею достался родной отечественный станок, изготовленный на московском заводе «Красный пролетарий». И это, кстати, не было специальной любезностью организаторов. Просто на заводе широко представлено советское оборудование, и соответственно многим участникам конкурса выпало продемонстрировать свое мастерство на советских станках.

Производственной программе предшествовала теоретическая часть. Каждому участнику предстояло ответить на двенадцать вопросов, по которым, как заметил Андрей, можно доподлинно определить степень подготовки настоящего профессионала. Спрашивали и по истории токарного дела, и по экономике, и непосредственно по работе станка. Был, кстати, и такой простенький вопрос: «В каком веке изобретен токарно-винторезный станок?» Вроде бы несложно: ни год не нужен, ни изобретатель, только век. И главное, ведь вчера же на вечере, ругал себя Андрей, чуть ли не во время танцев кто-то так и спросил: «Когда изобрели станок?»

парень из Варны. Это было обидно, но справедливо.

— У него было чему поучиться,— сказал Андрей.

Конкурсы молодых рабочих городов-побратимов традиционны, они проводятся регулярно. На конкурсе в Риге победил друг Андрея Володя Митрофанов.

Володя в свое время соблазнился предложением местного радио: «Судоремонтному заводу требуются токари». «А что же они делают, эти

рую принесут отремонтировать Митрофанову или Божку, не будет стоять личного автографа Юргена или Герда, но, возможно, именно они ее изготовили или кто-то из их товарищей, что одинаково важно и здорово.

Начиная с 1978 года на основании договора о содружестве Рижский судоремонтный завод обменивается передовым опытом, технической информацией и рабочими бригадами с заводом «Матиас Тейзен» в Висмаре (округ Росток). Этот обмен не дань форме, не случайно возникший контакт. У него есть идея. На рижском заводе в основном идет судоремонт, а судостроения совсем мало. У висмарцев все наоборот. Поэтому каждой из сторон интересно и полезно узнать, как работает другая.

— Прежде всего в Висмаре начинают работать в 6.15. Перестроились,— рассказывает судосборщик Николай Колесник,— быстро. Немецкие друзья оценили нашу пунктуальность. Выдали нам спецовки, инструмент, и стали мы работать. Чувствовали мы себя на заводе как дома, только язык непонятный. Ну да разве рабочий не поймет рабочего?

Наша сводная бригада: два слесаря, три корпусника, сварщик и трубопроводчик — разошлась по участкам, каждый по своему профилю. Мы не делали какую-то отдельную работу, за две недели судно не построишь, а влились в общий трудовой процесс. Так мы лучше могли понять и увидеть, как работают наши немецкие коллеги.

У них масса приспособлений для газорезки. Мне приходится все время горелку на весу держать. И устаешь, и линия получается не такая ровная. А в Висмаре для всяких видов резки к горелке крепятся специальные ролики, которые катятся по заготовке,— одно удовольствие резать.

И висмарцы там кое-чему подивились, хотя мы никаких установок с собой не привозили. Зато, когда Дима Иванчук провел ответственную сварку на цистерне, а потом шов двадцать раз светили рентгеном и шов оказался идеальным, хозяева были поражены.

Очень им понравился наш слесарь Анатолий Басалаев. Помню, ставил он шлюпочные балки, а шпонка там есть одна — не идет в гнездо, хоть ты что. Несколько местных ребят собрались вокруг, смотрят и ждут, когда же Басалаев что-нибудь такое скажет, отчего шпонка сразу же на место станет. Но он ничего говорить не стал, а молча и аккуратно все сделал так, что немецкие рабочие зацокали:

— Гут, гут!

Нас там с первого же дня «разобрали» по домам. Я ходил в гости к одному корпуснику, Питеру. Молодой парень, мне ровесник, только женат.

Мало мы там были, но хорошо, что не экскурсантами, а рабочими.

Мы стоим с Николаем на улице, где грохот судосборочного цеха не так мешает разговаривать.

— Вот постель,— сказал Колесник,

ДРУЖИТЬ ДОМАМИ

М. БЕРГЕР,
наш спец. корр.

Подумали, поспорили и забыли об этом. Андрей ошибся, указав: «В девятнадцатом». Оказалось, в восемнадцатом.

Задание Андрей понял сразу. Уж что-то, а читать чертежи на судоремонтном учишься идеально. Там каждый день какая-нибудь новая работа. А как же? На ремонт в Риге становятся пятьдесят типов судов японского, югославского, итальянского, румынского, польского и прочих производств. Да еще документация и чертежи в разных системах мер. Деталь, которую точишь сегодня, может встретиться снова только года через два, а то и вовсе никогда. Потому и память развивается цепкая. Попадется деталь, ага, вроде такую же приходилось делать год-полтора тому назад. Да где-то же и резец должен быть для нее специально заточенный.

Андрей установил заготовку, пустил станок и хотел сразу резко выбрать весь лишний металл. Но станок тут же остановился. Судья, он же помощник и инструктор, объяснил Андрею, что так резко брать нельзя, ничего не выйдет. Андрей сообразил, что станок не настроен на снятие большого количества стружки. Видно, что отходы здесь не любят. Понравилось.

Андрея на том конкурсе обошел

токари?» — подумал тогда Митрофанов и пришел на завод узнать. Узнал, а теперь старается заполучить самую сложную работу. Зачем ему это нужно?

— Как зачем? Рыба ищет, где глубже, а токарь, где сложнее,— предложил свою редакцию известной поговорки Митрофанов.

— Ты, наверное, можешь все? — задал я ему лестный вопрос.

— Многие, но не сделаю и половины того, что мог Кампин.

— Кто это?

— Это великий мастер токарного дела. У нас работал. Стать таким, как он, и больше ничего не надо.

На конкурсе в Риге, который проходил на судоремонтном заводе, Володя справился с заданием задолго до контрольного времени и пошел помогать токарям из ГДР — Юргену Швухофу и Герду Циркенбаху («Может, ребята не привыкли к новым станкам?»). Правда, это не помогло, и Володя вместе с ними огорчился и обрадовался, что победил он.

Конкурсы — это не просто короткие личные встречи представителей одной профессии. Это продолжение общения людей одного общего дела через результаты своего труда. Конечно, на детали с немецкого теплохода, кото-

показывая на сложную металлическую конструкцию. Это такое приспособление, позволяющее производить сборку с высокой точностью. На постели непосредственно собирают части корпуса.

— Как при таком количестве железа собирать с высокой степенью точности?

— То есть как это «как»? Да знаешь, что с судном будет, если мы на сборке

допустим отклонение на два миллиметра от осевой линии? Да нет, ничего не будет, потому что старший мастер Прохоров еще на сборке съест.

Познакомились с непохожим на людоеда Прохоровым. Он рассказал, как на заводе встречали висмарских судостроителей, как познакомился с Карлом Мерцем, руководителем рабочей делегации из Висмара.

— В то время стоял на ремонте теплоход «Александр Пушкин». А Карл Мерц строил в свое время для нас всю эту серию океанских теплоходов: «Михаил Лермонтов», «Тарас Шевченко», «Иван Франко», «Шота Руставели», разбивал о них шампанское и спускал на воду. На «Пушкине» узнали об этом и пригласили его как почетного гостя. Карл Мерц был растроган до слез.

2. ПАХАРЬ ИВЕТА

Ивета Скродерена, молодой садовод из совхоза «Лиепая», тоже победитель международного конкурса — пахарей. Пахота далеко не основное занятие бригадира Иветы. Это просто одно из умений, которым она овладела в Булдурском совхозе-техникуме. Ее сегодняшняя забота — 115 гектаров совхозного сада. Если вам когда-нибудь попадутся яблоки, груши или сливы латвийского совхоза «Лиепая», знайте — это продукция бригады Скродерены.

Сейчас Ивету лошадь интересует больше, чем трактор. Попробуйте обойти и осмотреть сад в сто с лишним гектаров, да еще весной или осенью — никаких ног не хватит. Ивета вспомнила еще одно свое ученическое увлечение — конный спорт, послушного, но ходкого коня по кличке Цент. Достала свое старое седло, привела в порядок и пошла к директору просить лошадь. Дали ей какого-то ненормального жеребца без клички и совести. У него, видимо, были свои представления о жизни и работе, потому что Ивету он сбросил в первую же минуту. Воспитание, конечно, не то что в конно-спортивной школе. Ну да это дело наживное.

Трактор, тот самый инструмент, с которым Ивета, единственная на конкурсе в Ростке девушка, справилась лучше всех представителей сильного пола, лично ей не нужен. Но ее умение не пустой груз. Ни один тракторист из ее бригады не посмеет сказать ей, что «искра ушла в колесо» или что-нибудь в этом роде. Ивета сразу разберется, что «барахлит» — тракторист или трактор. Да и подменить при необходимости любого тракториста она тоже может.

Когда в техникуме их по сорокавосемичасовой программе учили управлять трактором, Ивета довольно дерзко

заявила, что она и так все знает: отец тракторист. Молодой преподаватель в педагогическом запале заявил:

— Раз знаешь, поедешь на республиканский конкурс.

Ивета решила, что это такая учительская уловка, и не придавала значения угрозе. Но когда ей действительно сказали, что надо ехать на республиканский конкурс трактористов среди учащихся техникумов, она поняла, что это серьезно. Она заняла первое место среди девушек, и ее направили на сборы с республиканской командой. На Всесоюзные соревнования она, конечно, не прошла, чудес не бывает, но кое-чему научилась у Никлавы Валде, трактористки с пятнадцатилетним стажем.

Предложение ехать в Росток на международный конкурс застало Ивету врасплох. Одно дело — пахать здесь, у себя, другое — там. Всю дорогу в поезде до Ростка Ивета и ее товарищ по команде Алфредс Шталс ни о чем не говорили, а только волновались.

Хозяева конкурса дали каждому участнику по тренеру, чтобы они помогли освоиться с немецкой техникой. С Иветой работал Томас Анкерштайн, который, как и другие семь тренеров,

сам участвовал в конкурсе. Руками, ногами, без переводчицы Томас показывал, что и как устроено в немецком тракторе Т-300. Но и это Ивету не успокоило. Даже когда взлетела стартовая ракета и началась конкурсная пахота, она стояла некоторое время в замешательстве, боясь начать.

Когда Томас вспахал свой участок, конкурс еще продолжался. Томас подсел в кабину к Ивете. Он ничего не подсказывал, а только подбадривал. Этого, видимо, только и нужно было. Ивета лучше всех выполнила последний элемент вспашки. Надо было оставить неспаханную полосу шириной в один метр. Никто даже близко не подошел к этой цифре. У кого осталось 40 сантиметров, у кого — 60. У Иветы — 105. Что значит аккуратная девушка: все получили ноль, а Скродерена 10 баллов.

Когда Ивета показывала в техникуме медаль и диплом победителя, молодой преподаватель тракторного дела удивился:

— Не может быть, чтобы ты победила в таком конкурсе! Тебе, наверное, кто-то помогал.

— Да, — ответила Ивета, — это наполовину Томас победил.

Икс МУР,
английский безработный,
участник Марша за
право на труд

«РАССЛАБЬТЕСЬ ГОДИКА НА ДВА...»

Вот и прошла эта неделя. Я снова дома. На дороге в Блэкпул я потерял килограммы веса и голос; сейчас я снова слоняюсь без дела, как миллионы моих сверстников.

Неделю назад, отправляясь в путь, я думал начать этот репортаж статистикой преступлений тори¹, но вряд ли стоит напоминать о ней сотням тысяч безработных парней и девушек: они познали эту статистику, так сказать, на собственной шкуре. Вот о чем стоит говорить: о том, что дал этот марш мне и тысячам моих спутников.

Писать трудно. То есть можно описать весь путь, шаг за шагом, но как описать чувства? Если мне это не удастся, что ж, я потерпел неудачу. Я. Но не Марш за право на труд.

Я решил изложить все в форме дневника, как там оно было, как мы шли, что я чувствовал на протяжении всего стовосьмидесятимильного пути из Ливерпуля в Блэкпул: мы направлялись туда пикетировать конференцию консервативной партии.

У человека, живущего на пособие по безработице, складываются определенные привычки — привычки обитателя свалки. Но во время марша те, кто уже приобрел эти привычки, те, кого выкинули за ненадобностью, вдруг поняли, что есть еще такие понятия, как дружба, теплота и надежда.

Вот что сказал нам марш: пусть эта ваша общность, пока еще временная, будет общностью постоянной. И пусть ваша борьба за право на труд станет борьбой за право на жизнь.

Канун марша. Ливерпуль. Площадь перед церковью забита автобусами. Народ ждет, чтобы зарегистрироваться в качестве участников: им, этим ждущим, не надо напоминать о том, что такое жить на пособие. Но некоторым об этом напомнить следует, тем, кто забывает, что таких, как мы, три с половиной миллиона. Сотни и сотни молодых безработных съехались сюда, в Ливерпуль, чтобы напомнить всем, у кого есть власть и доступ к средствам массовой информации, о том, что они увиваются от ответственности.

Они могут направлять нас в очереди за пособием, они могут швырять нам милостыню, они могут лезть из кожи вон, избегая разговоров о наших правах, они могут заставлять нас жить хуже собак... **НО ОНИ НЕ МОГУТ ЗАПРЕТИТЬ НАМ ВЫСКАЗЫВАТЬ СВОЮ ЯРОСТЬ.**

¹ Название «тори» широко употребляется для обозначения консервативной партии Великобритании, выражающей интересы монополистической буржуазии. — Здесь и далее примеч. ред.

8 октября, четверг

Подъем в 7 часов (ночью, конечно, не спали). Настроение приподнятое: впервые мы не каждый сам по себе, а члены большого коллектива, пусть коллектива безработных. (Обычно безработные встречаются друг с другом дважды в месяц в офисе, где выдают пособие.)

Мы идем через Токстет. Сожженные дома, разбитые витрины... Да, мы знаем, это напоминание о бунте отчаявшихся одиночек. Теперь мы вместе, и мы знаем нашу силу.

Фотограф Кевин Камминс побежал вперед — заснять наши первые шаги. Интересно, что он чувствует, аутсайдер, тот, у которого есть работа и дорогая фотоаппаратура? Двигаемся медленно. К обеду (миска супа и кусок хлеба) еще не вышли за пределы Ливерпуля. На всех нас оранжевые жилеты с надписью: «Марш за право на труд». Наша группа несет транспарант «Йоркский союз безработных». Кругом суетятся фоторепортеры. До городка Сент-Хеленс, где мы должны быть вечером, еще шестнадцать миль.

Мы идем, скандируем, поем. Переговариваемся с соседями, ноги уже начинают побаливать. Вот они, рядом со мной, панки, «бритоголовые», или же обыкновенные опрятные ребята: всех уравнивал и объединил одинаковый оранжевый жилет. Взберешься на холм и видишь, как далеко растянулась оранжевая змея. Она извивается, следуя изгибам дороги. Потрясающее ощущение силы, единства, как будто мы один огромный организм.

Вот и Сент-Хеленс. Школьники на спортплощадке скандируют: «Мэгги вон! Мэгги вон!» Нас встречают жители. Это не просто официальный прием и напускное дружелюбие — это настоящая солидарность. Вдоль дороги стоят старики и старухи и опускают деньги в кружки. Из магазинов выскакивают домохозяйки — в кружки летят пенсы.

На ночь мы устраиваемся в зале Ассоциации молодых христиан.

Перед нами выступают рабочие лондонской фабрики Стаффа. Узнав о том, что предстоят сокращения, они заняли фабрику и забаррикадировались. Они рассказывают нам о том, что они поняли теперь, что значит организованность, поняли, что сами могут решать и сами определять свою жизнь. Этому знанию нет цены.

9 октября, пятница

Ночь была холодной. Утром вскочили: очередь к умывальнику, очередь за едой. Тарелка жидкой овсянки, но вкуса ее я не ощущаю, да и не в еде дело —

просто приятно есть всем вместе. Организаторы уточняют маршрут, отвечают на вопросы газетчиков, ошеломленных видом этой огромной «молодежной банды».

А потом — вверх на холм, прочь из города, песней приветствуем утро. Кругом фермы, поля. Ноги болят уже изрядно. Идущие впереди раздают листовки встречным фермерам, собирают деньги.

На обед останавливаемся в Рабочем клубе Ньютон-де-Уиллоуса. И снова потрясающий контраст между гостеприимством и дружелюбием рабочих и антагонизмом местных буржуа.

Мы подошли к каменноугольным копям Болда, где как раз выступал председатель всеанглийского профсоюза шахтеров Джо Кормли. Как и следовало ожидать, Кормли, который всегда был против кампании «Право на труд», ни слова не мог сказать о том, как сберечь рабочие места и предотвратить сокращения, ведущие к безработице, по поводу которой он, как и другие тред-юнионистские лидеры, так любит плакаться. К несчастью для Кормли, делегаты шахтеров Йоркшира, Шотландии и Южного Уэльса, участвующие в марше, смогли в отличие от потрепанного деятеля найти общий язык со своими местными коллегами.

Когда мы достигли Уоррингтона, выяснилось, что полицейские дали руководителям марша неправильный маршрут, чтобы мы не могли пройти через центр. Нас загнали в школу, где мы должны были переночевать. Странная школа: везде — на досках, на стенах — в разных вариантах и на разных языках написано слово «до свидания» — «адыю», «лебволь», «прощай». Нам объяснили — эта школа закрывается: фонды на образование урезаны. Здесь больше не будет ни учителей, ни детей. Наши заокеанские союзники заинтересованы в том, чтобы у нас были деньги на ракеты, — школы, больницы и дома для престарелых их не касаются.

Перед сном мы сочинили песню на завтра: «В их правилах написано — ракеты важнее больниц». Песню мы назвали «Шестиминутная война».

10 октября, суббота

Семь тридцать. Снова вставать. Снова очередь. Снова овсянка. Сегодня наш путь лежит в Сэлфорд.

Обед у плавательного бассейна, беседа с двумя журналистами из рабочей газеты. Смена полицейского «караула». Парень-коммунист рассказывает о майском марше. Из дома поблизости выбегают две девочки и присоединяются к нам. Я одолжил гитару у парня

из Глазго, настроил, и мы запели «Всполохи огня» и «Ружья Брикстона»¹. Мы пели, и даже ноги перестали болеть. Потом пришла моя очередь нести транспаранты.

Обед шикарный: бобы, яичница и чипсы. Опять очередь, но еда стоит того!

Стер правую пятку до крови. Ребята-медики дали пластырь. Поначалу ничего, а потом и пластырь стерся.

Нас пригласили в дискотеку. На стенах висят плакаты организации Рок против расизма. Группа «Дух Гарлема» сначала играла ритм-энд-блюз, потом перешла на реггей. Ребята завелись, играли что надо. Потом выступали «Дистрэкшнз». Тоже забойная музыка. Я разговорился с Полом, безработным столяром из Хэррогейта. Я спросил, почему он не ищет работу за границей. «Я женат, не очень побегаешь. Я каждый день хожу на биржу. Они предлагают места, на которые людей уже пару дней как взяли: это они делают вид, будто все в движении и места постоянно появляются. Последний раз у меня была работа, когда в Хэррогейте проходила конференция консерваторов. Мы оформляли зал. Так я чуть не разнес к черту их лавочку: официально они объявили, что потратили на свой шабаш 26 миллионов фунтов, а на самом деле — мы-то видели — угрохали не меньше восьмидесяти».

В зале была группа ребят из Дании,

они присоединились к маршу вчера. Так вот они сказали, что в Дании дело обстоит не лучше, их уровень безработицы не ниже нашего. Они несли лозунги на своем языке, но смысл их был тот же: право на труд.

Выступает «Блэк Рутс». Хороший рок. Они вывесили плакат: «Любить музыку — значит ненавидеть расизм». Нет, рок — это вещь. Даже ноги меньше болят. Музыка — это тоже часть нашего марша.

11 октября, воскресенье

Спали до девяти — воскресенье все-таки! Перед завтраком к нам явился лейборист, член парламента от Сэлфорда, и поблагодарил нас за то, что мы выступаем против Тэтчер. Прежде ради нас члены парламента не прерывали воскресного завтрака, а тут на тебе!

Потом мы отправились в Трэффорд, где ночевала вторая половина участников. Ребята, если вы полагаете, что хуже вашего городка на свете ничего быть не может, взгляните на соседний!

Поднялся ветер, транспаранты так и рвет из рук. Мы посетили фабрику Лоуренса Скотта; рабочие оккупируют ее вот уже 40 недель. Полиции кругом тьма.

Парнишка пытается сунуть листовку хорошо одетой даме. Она возмущенно кричит: «Не возьму. Я — тори!» — «Тем более, мадам! Тут как раз про вас написано. А хотите, вслух прочту?»

Вечером мы пришли в Манчестер. Кто в кино, кто в дискотеку. Там завязалась дискуссия с парнем из Йоркширской организации рок-поэтов. Он заявил, что те группы, которые поют о политике, должны и сами участвовать в маршах. Некоторые ему возражали — артисты все же! В нашем марше участвовали группы «Нет — свастикам», «Нервный срыв» и «Заряд X5».

Выступил парень с фабрики Лоуренса Скотта и рассказал, что женщины на фабрике были куда боевитей и принципиальнее мужчин. Аплодисменты! Потом выступил Аватр, президент Ассоциации рабочих-индийцев, и сказал, что некоторые предлагали дать цветным по

¹ Песня «Ружья Брикстона» опубликована на IV странице обложки этого номера.

2 тысячи, чтобы они отправились домой(?!). «Но мы не продаемся!» — закричал Аватр. Ребята свистели в знак одобрения.

12 октября, понедельник

«Дзень, дзень, семь часов». Ну и холодище! Спали в мешках не раздеваясь, и то зуб на зуб не попадает. Выходим из Манчестера. Разговорился с парнишкой по имени Билли насчет программы «Возможности для молодых»: ¹ «Ишь хитрые, суют мне свои возможности, а мне мои подавай! Они же и не собираются готовить меня к настоящей работе, да и предоставить ее не очень-то могут».

Стертые ноги уже даже не болят, только тупо ноют. Пришли в Болтонский технологический институт, где ребята, члены местного отделения Рок против расизма, выставили нам пиво.

Сидим на полу кто как. Везде валяются рюкзаки, настоящий хаос. Один из организаторов вежливо осведомляется у йоркской делегации, имеет ли та опыт приготовления бутербродов с сыром.

Вечер. Огни погашены, и я снова выбрался писать в коридор. Сажу на полу, прижавшись к стене. Ребята уже знают, что я пишу о марше, и не мешают.

13 октября, вторник

Холодина, кажется, будто спальный

¹ Правительственная программа, предполагающая обучение молодых специальности, рассчитана на несколько тысяч мест, при трех миллионах безработных.

мешок примерз к полу. Явился служитель и объявил, что надо убираться. Руководство профсоюза машиностроителей никогда не отличалось любезностью по отношению к своим, что уж говорить о каких-то безработных! Этот тип перекрыл воду в мужском туалете, пришлось проситься к девчонкам.

Опять жидкая овсянка, но настроение отличное. Силы нам дает не каша, а энтузиазм. Его у нас хоть отбавляй, пусть льет холодный дождь и путь предстоит немалый. Марш — время поразмыслить и даже расслабиться!

Идем, поем, раны на ногах покрылись корочкой, все отлично, и вдруг, как и предсказывали, полиция. Вот он, инцидент. Один из парней из уэстхемской группы запел «Животные», а они тут как тут, двинулись к нему. Ребята из первых рядов схватили парня, затолкали назад, по дороге кто-то поменялся с ним куртками — попробуй теперь узнай.

Но одного парня из Престона все же загребли: он стоял возле полицейской машины, оттуда вдруг выскочили эти субчики в синем и запихнули его внутрь. Потом сказали, будто он оскорбил полицейского.

Старая история. Старая тактика. Потом в суде будут говорить, что этот парень отъявленнейший революционер.

Следующие две мили пели антиполицейские песенки. В словах не стеснялись. Организаторы предупредили: «Хватит, ребята. А то мы так не доберемся до места назначения».

Спускаемся вниз, к Блэкберну. Меня выбрали в охрану рок-группы «Блиц», они сегодня вечером выступают в «Кинг Джордж холле» под лозунгом «Рок против расизма». Весь вечер под дождем ждали атак со стороны местных расистов. Обошлось.

14 октября, среда

Шесть сорок пять. Мне понадобилось две чашки чаю и две порции овсянки, чтобы проснуться. На улице нас поджидают участники Народного марша, тоже направляющиеся в Блэкпул. Они по расписанию нас опережают, но полиция накануне запретила этой группе (60 человек) покидать Блэкберн. Они присоединяются к нам.

Вперед, вперед по дороге, холмы, леса, холод. В Престоне собираемся на рыночной площади, и организаторы объявляют перерыв. Целый час свободный! Нахожу телефон и звоню в редакцию — первый контакт с посторонним миром! Странное чувство.

15 октября, четверг

Вот и последний день марша. Начинается он как-то вяло. Колонна наконец собирается, трогается в путь. У многих болят ноги, ребята выругивают себе посохи. Как тут не восхититься парнем из Ньюкасла, он болел в детстве полиомиелитом и весь путь прошел на костылях. Еще один парень из Ливерпуля — слепой. Всю дорогу его вел пес-поводырь. Этот пес участвовал со своим хозяином во всех маршах за право на труд. Я разговорился с Джоном Диксо-

ном, одним из организаторов: «Это крупнейший марш за всю историю нашего движения. И, что важнее всего, преодолены расовые предрассудки».

Меня волнует только одно, что будут делать эти ребята, почувствовавшие вкус политики, так много понявшие за эту неделю, потом?

Остановились поесть. Обед прошел удивительно тихо: чувствовалось, что все устали. Но вот показались первые дома Блэкпула. Вот он, этот курортный городок, миленькие домики, в которых живут миленькие тори, которые устроили весь этот цирк.

Воют автомобили, местные жители грозят нам кулаками, полицейские так и ждут момента, чтоб придраться и сорвать завтрашнюю демонстрацию. Под ночлег нам отвели школу. Всю ночь сидим в спортивном зале на матах и боимся глаза закрыть, вдруг что-нибудь случится? Позвонил представитель местного школьного совета и заявил, что ему сообщили, будто мы превратили школу в Престоне черт знает во что. Мы позвонили в Престон, а директор престонской школы сказал, что он доволен нашим поведением и приглашает нас на следующий год! **16 октября, пятница**

Ну и мороз в этом Блэкпуле! Дрожали на ветру как ягнята. Нас выкинули из школы в шесть тридцать и даже без овсянки! Потом, правда, в методистской церкви раздали по крутому яйцу на брата. Яйцо я съел, но, честно говоря, лучше б пулынул им в кого-нибудь из тори.

Вот и настал этот день. Часть наших отправилась на переговоры с властями. Несколько ребят пошли взглянуть на Зимний сад, где проходит конференция. Тори и полицейские увидели оранжевые жилеты и запаниковали: думали, это уже марш пришел. Ну, ну, что с ними будет, когда всех увидят!

Станный день. Веселый день. Один парень сказал, что похоже на рождество. Что ж, я обойдусь без подарка, пусть мне положат в чулок Работу.

Оранжевые жилеты повсюду. Тысячи восставших безработных поют во всю глотку свои песни:

Восстань во гневе

И помни — у тебя есть выбор.

Присоединяйся к нам.

Мы — народ.

Щелкают фотоаппараты, журналистов уйма. Нашей армии противостоит другая — в темно-синей униформе. Стоит и тупо пялится на нас из-под каскеток, топорщит мужественные усы. Три тысячи слуг закона охраняют нас от местных тори или тори от нас. Шестерым участникам марша (шестерым!) дозволено встретиться с министром по делам занятости. Министр заявляет: «Расслабьтесь. Подождите еще годика два, и тогда, возможно, будет для вас работа».

Что ж, теперь у нас есть опыт. Пойдем и на следующий год. А там видно будет.

Перевела с английского
Н. ТУМАНСИНА

Вчера вечером, бесцельно шатаясь по городу, они изувечили несколько частных автомобилей и избили прохожего. Но случилось так, что насилие обратилось против них самих: один из пострадавших автовладельцев взбесился и стал стрелять из мелкокалиберной винтовки. Смертельная рана в живот швырнула на мостовую шестнадцатилетнего Андреаса Ц. Он вскоре умер в больнице. Его ровесник Франк Х. получил тяжелое повреждение правой руки.

Газета
«Гамбургер абендблатт»

Несчастный случай? Нам показалось, не просто... Здесь есть над чем подумать.

Мы выехали после обеда, и никакого конкретного плана у нас не было. Поколесили по городу, зашли в пивнушку на углу. Завсегдатаи обсуждали скверное положение местной футбольной команды. Вошедший мужчина неожиданно сказал: «Ничего себе история, вчера-то! Газеты читали?» Другой откликнулся: «И правильно, давно пора проучить этих молодчиков». Третий: «Ну сразу-то стрелять — это он погорячился». И опять завели шарманку про футбол.

Мы отправились в табачную лавку, хозяин которой стрелял вчера вечером. Выстроившись в ряды, красуются бутылки и пачки сигарет, стойки с приключенческими и любовными романами, всякая яркая чепуха для детей. Через всю стену реклама: «Наше сердце — детям!» Хозяин лавки, дружелюбно и терпеливо обслуживающий клиентов, всего двадцать часов назад стрелял в мальчишку. С неистощимой любезностью он сообщил нам, что его адвокат запретил ему говорить с кем-либо о деле.

Через несколько дней мы уже сидели с ним и его женой в маленькой уютной кухне, расположенной над магазином. Вели долгую беседу о том, что в былые времена все было по-другому. Мальчишкой в годы войны наш хозяин пережил такое, о чем, по его собственному признанию, до сих пор рассказывать язык не поворачивается. Он на минуту вышел из кухни,

Nach dem Schicksal der Christiane F. nun die Geschichte eines 16-jährigen Jungen, der erschossen wurde, weil ein Bürger sich ängstigte. Eine Geschichte, in der wir alle, Eltern und Kinder, unsere Rolle spielen

ANDI

188 Seiten Extrachef
AUTO-JOURNAL

ПОЧТИ СЛУЧАЙНАЯ СМЕРТЬ

Хейко ГЕБХАРДТ,
Кай ХЕРМАНН,
западногерманские
журналисты

а жена прошептала: «Вот так он сидит целыми вечерами на кухне и раздумывает над чем-то... Зову его телевизор смотреть, он меня даже не слышит. А в гости к нам никто не приходит. Порой такая тоска найдет — выпью сама с собой бутылку шнапса или сяду в метро и еду куда-нибудь, все равно куда, лишь бы с новым человеком словом перемолвиться».

Фрау Ц., мать убитого, пока мы задавали вопросы, оставалась совершенно безучастной. Потом стала рассказывать, но ее лицо и руки так и были неподвижны. Она говорила о себе, но ведь ее история была и историей Анди. Она заболела с тех пор, как развелась: депрессия, чувство страха. Она почти не выходила из дома, стала пить. Когда сыну исполнилось пятнадцать, выставила его за дверь: слишком велика была

душевная усталость, чтобы еще с ним возиться.

Через несколько дней... Остдорфское кладбище. Мальчики и девочки в черном, с цветами в руках кажутся очень беспомощными. Лицо матери также неподвижно и полно страха. Незнакомый старик плачет навзрыд. Ребята называют старика просто Дедушка. У него Анди и жил последнее время.

Шайки рокеров, по крайней мере в больших городах, собирают гораздо больше подростков, чем шайки наркоманов. Число несовершеннолетних алкоголиков катастрофически растет. Подробно ознакомившись с подобными данными, мы пришли к выводу, что в истории Анди нет ничего необыкновенного, по сути, это самая заурядная история.

Мы взяли интервью у всех, кто замешан в этой истории,

и постарались домыслить, как бы восстановить слова самого Анди, чтобы рассказ звучал достовернее: так просто легче писать о поисках любви и защиты, о безответности, одиночестве, бессилии и слепой саморазрушающей обороне, в результате которой несчастный случай становится закономерностью.

Анди. Это был самый обычный день. И был я все той же грязной свиньей. Все у меня поэтому шло вкривь и вкось, все против меня, как нарочно. Началось прямо с утра, еще у Дедушки, где я скрывался от полицейских. Мне больше всего хотелось встретиться с Аней, моей подружкой, потому что с ней у меня тоже что-то стало не так. А Дедушка разворчался, впрочем, как обычно: «Сначала поищи себе работу. И не расстраивайся из-за девчонок, ни одна того не стоит». И все-таки я любил Деда. Иногда мне

казалось, что он единственный человек на свете, который ко мне хорошо относится. Впрочем, какой он мне дедушка, и не родственник даже.

Дедушка. Утром Анди попрощался, потом ненадолго зашел после обеда, и больше я уже его не видел. Боже мой! Еще и это пережить в мои семьдесят шесть лет. Мои дети давно умерли, и Анди был мне как сын. Он живет у меня с прошлого года, с сочельника. Тогда ему было пятнадцать. Шел такой жуткий снег, как никогда. А на сердце у меня было почему-то беспокойно. Я вышел на улицу и обнаружил его в снегу, продрогшего до посинения. Я дал ему переодеться и ночь напролет топил печку, чтобы его отогреть. Утром он мне сказал: «Дедушка, у меня больше нет дома. Мать и дед меня вышвырнули. Сказали, что от

меня можно помешаться». Я подумал: «В такую ночь выгнать ребенка на улицу, это просто невозможно» — и сказал ему, чтобы жил у меня.

Полиция не оставляла нас в покое, потому что его мать сгоряча подписала бумагу о розыске. Он стал вечным беглецом. Вот вы пишете «рокер». Да он был самым обычным мальчишкой, ребенок, такой же, как все. Он все говорил: «Эх, Дедушка, не бросай хоть ты меня. У меня, кроме тебя, никого нет». Если бы вы знали, как он мне помогал: и в магазин ходил, и убирал, и птиц кормил.

Анди. В тот день мне очень хотелось встретиться с Аней. Мне всегда хочется встретиться с Аней, потому что я ее страшно люблю. Она тоже хорошо ко мне относится, но по-другому. Она такая красивая, и голова у нее есть на плечах. Да и родители — не моим чета. Вообще, я могу ее понять. Я много раз обещал не устраивать свинства, а все равно устраивал.

Аня. В тот день Анди ужасно донимал меня. Звонил тысячу раз. Последний раз за несколько часов до того, как это случилось, позвонил и сказал, что он в больнице или что-то в этом роде. А на следующее утро мама спрашивает: «Ты уже прочла сегодняшней «Бильд»?» — «Нет, а что?» — «Вот, читай здесь. Террор рокеров... Андреас Ц. застрелен насмерть». Анди был не таким, как другие парни, и относился он ко мне по-другому. Я встречалась с ним три года, и он ни разу не был груб или жесток. В нем было что-то настоящее — это мне и нравилось.

Анди. День был просто ужасным. Я хотел повидаться со своими. Я очутился как раз возле квартиры матери. Отца мне тоже хотелось повидать, но я не решался, потому что продинамил его на день рождения. Он так меня приглашал, а я, свинья, продинамил его. Я всегда любил своего старика. Он каменщик — очень честный и прямой человек. Но я ему никогда до конца не доверял, потому что у него теперь новая семья, новые дети и я к этому не имею никакого отношения. У него дома вообще все в порядке, и только я один вношу туда беспорядок. Вот поэтому я и не зашел к нему в тот день.

Отец. Почему-то я не мог

заснуть в тот вечер. Как-то было беспокойно. Всякая чепуха лезла в голову. Только то, что произошло в тот вечер, мне бы и в страшном сне не приснилось. На следующее утро вошла моя теперешняя жена с газетой и сказала: «Здесь про какого-то Андреаса Ц. Убит...»

Я был в шоке и только через несколько часов позвонил своей бывшей супруге, матери Андреаса. Я так ненавидел ее в ту минуту за мальчика, просто готов был убить. Но и она знала не больше моего. Официально никто не информировал. А что им стоило прислать за нами машину?!

Наверное, в том, что произошло, есть справедливость. С тех пор как я ушел из семьи, все там стало наперекосяк. Мальчику моему было очень плохо. Ко мне он стал приходить все реже, всегда держал себя у нас очень напряженно. Незадолго до случившегося я позвал его на день рождения. Единственный гость, который не явился, — это был сын. Даже не позвонил. Я очень расстроился. На самом деле он был очень хороший парень. Это все говорят, кто знал его ближе.

Анди. Каким-то образом я оказался в телефонной будке. Мне хотелось кому-нибудь позвонить, только я не знал кому. Читал по алфавиту номера в телефонной книге. Отца, матери, Ани и так далее. Я просто знал, что моего звонка никто из них не ждет. А если позвонить, что сказать?

Вечером собралась вся наша шайка. Мы спустились в метро, а сами уже были здорово под мухой. И тут высмотрели этого типа: длинные волосы, надменная рожа. Хольгер толкнул его посильнее, а я отступил в сторону — он как навернется...

Юрген. Все произошло так быстро, что я опомниться не успел. Потом лежал в больнице: перелом носа, ушибы и т. д. Я как раз выписывался и проходил через приемный покой, когда привезли на каталке какого-то мальчика. Он был без сознания, с капельницей. Я и понятия не имел, что это был один из тех молодчиков, что напали на меня в метро. Он был больше похож на спящего ребенка. Ужасный случай.

Отец Юргена. Я давал показания, хотя мой сын

и был против. Знаю я таких типов. Насмотрелся. Учиться не хотят, только перебегают с места на место. Я сам с молодежью работаю. Я мастер на заводе и тренер молодежной секции в спортивном клубе. У нас на заводе тоже такие попадают, ничего делать не умеют, ленивые.

Нет, я могу оправдать того господина, который стрелял. Эти юнцы слишком зарвались. Если бы кто-нибудь посмел испортить мой автомобиль, с таким трудом заработанный, уж не знаю, что бы я сделал, — вполне возможно, что то же самое.

Юрген. Я с ним не согласен. Кто знает, почему эти ребята вели себя так агрессивно. Я думаю, смерть Андреаса — ужасная несправедливость.

Анди. Когда мы избили этого типа, мне вдруг стало как-то не по себе. Очень захотелось домой. Все вдруг стало безразлично. Я хотел домой, к маме. В квартире был заперт младший братишка, он отчаянно хныкал. Свою старуху я нашел в пивной. Я начал, чуть не плача: «Мама, пожалуйста,пусти меня обратно к себе». Она — ноль внимания. Я уж сколько раз давал себе слово никогда больше к ней не ходить, поставить крест. А тут такой выдался ужасный день, что я не вытерпел.

Мать. Он вошел в пивную. Я сделала вид, что не замечаю его. Он взял меня за руку, поцеловал, обещал мне рай земной. Только его обещаниям я уж давно не верю. Я не обращала на него внимания. Он еще покрутился немного, потом ушел... Минут через десять завывали сирены, полицейские мигалки промигали где-то совсем близко. Из всей пивной никто не вышел посмотреть, что там случилось.

Утром, около девяти, позвонила его подружка, Аня, спросила, видела ли я уже газету. Я, конечно, не видела. Она сказала: «Там про Андреаса, он умер». Я сначала думала, что не расслышала, потом закричала...

Он был совсем неплохим от рождения. И почему все так случилось?

Анди. Я ведь не был образцовым сыночком. А моя старуха всегда была поглощена только своими делами. Даже не знаю, как заставил себя уйти от нее в тот вечер. Про-

сто распалил себя: вперед, в одиночку легче! Супермен действует. Вы все еще услышите обо мне! Наверное, я паясничал пуще обычного, потому что чувствовал, как все поджилки трясутся. Я был в страшной тоске.

Пьер. Вся эта история с его старухой все-таки забрала его. Он больше всего на свете хотел вернуться с ней домой, чтобы ночевать дома. Это у него просто была идея-фикс.

Хольгер. Правда, он не подавал виду и сразу же сказал: «Ну и черт с ней! Все равно у меня уже давно нет матери».

Пьер. Сначала пуля попала в руку Франку. Анди сразу же бросился к нему на помощь.

Хольгер. Следующий выстрел попал в него. Я еще попытался его подхватить, но он только сказал: «Мне больно». А дырочка была такая маленькая. Мы даже думали, что этот тип стрелял из духового ружья. Нас задержала полиция, а Анди увезли на «Скорой помощи».

Анди был моим самым лучшим другом. Таких, как он, вообще больше нет. Мы проводили вместе много времени, часто смеялись, когда же оставались наедине, Анди плакал. Часто из-за Ани, но еще чаще, я думаю, из-за матери. Он очень ее любил. Но с ней дела обстояли еще хуже, чем с Аней.

Анди. Когда отец ушел, я старался дома появляться как можно реже, а уж если и был дома, то целый вечер торчал у телевизора. Я думаю, меня никто и не замечал. Как только я оставил их в покое, и они меня оставили. Мне кажется, они были даже рады, что я притих. Мать свою я очень любил и думал, что все будет по-другому, когда ее новый приятель от нас смоеется. Я все ждал, что случится что-нибудь хорошее, что вдруг меня кто-нибудь найдет на улице и подберет. Тогда-то я и связался с шайкой, которая собиралась у Дедушки.

Франк. Анди связался с нашей шайкой, потому что мать совсем его с братишками забросила. Мы собирались у Дедушки, который жил совсем один и всегда был рад молодежи. Он на самом деле нас понимал. Анди был в нашей шайке самым маленьким, но зато и самым смелым.

Анди. Потом мать навязала мне на шею штатного надзирателя, потому что в школе у меня дела шли все хуже. Этот надзиратель должен был следить за тем, чтобы я стал честным и порядочным человеком.

Воспитатель. В ноябре 1977 года к нам обратилась госпожа Ц. Она не могла больше справляться со своим сыном Андреасом. Обычно она пыталась криком приструнить детей, не вставая с дивана. Кроме того, у нее был приятель, с которым Андреас совершенно не мог общаться. Мальчик совсем отбил от рук. Стал прогуливать школу и поздно приходить домой.

Вообще же Андреас был славный мальчик. Трудно было только найти к нему подход. Плохо ему было. И дома и в школе.

Анди. С тех пор как я связался с шайкой, мой класс стал мне казаться детским садом. С каждым днем эти паиньки все больше меня раздражали. У меня на эту чертову школу уже просто нервов не хватало. Когда сам не знаешь, что с собой делать, наверное, надо, чтобы кто-нибудь сказал тебе. Дома же всем было наплевать, в школе в общем-то тоже, а сам я не знал, чего ради терпеть все это занудство. Ну, будет у меня свидетельство об окончании, а дальше что?

Учительница. С самого начала Анди относился к разряду «трудных» учеников. У мальчика в полном смысле было большое самолюбие, он был страшно обидчив.

Часто прогуливать он стал с девятого класса. Сначала я не обратила внимания. Что было делать? Ждать помощи от семьи было нечего. Что с ним происходило на самом деле, я так никогда и не узнала. Всегда между нами была как будто стенка, но я видела, что он тянется ко мне. В конце концов, у него не осталось никого, кроме шайки.

Анди. Наконец-то я разделался со школой. Мой дядя Лотар пристроил меня учеником в мастерскую автопокраски. Только дома никаких перемен. Мать по-настоящему заболела. В конце концов она нам объявила, что врачи велют ей ехать лечиться куда-то очень далеко. Я сначала ушам не поверил, но она и в самом деле уехала, и мне казалось, что я ее уже ни-

когда больше не увижу. Мне бывало от этого так страшно по ночам, что я просто заходил от слез.

Дедушка Анди. Когда дочка уехала на лечение, мы взяли к себе Андреаса и обоих малышей. Здесь он вел себя просто идеально. Но как выходил за дверь, в него будто бес вселялся. С такой связался компанией...

Бабушка. Все время, пока они здесь жили, он приходил домой минута в минуту и утром тоже уходил на работу вовремя. Наш сын работает мастером в автопокраске и взял его к себе учеником. Андреас там очень прилежно учился, потому что сын сразу ему сказал: «Учти, что никаких поблажек не будет. Хотя ты и мой племянник, а будешь наравне со всеми учениками». Сначала он очень хорошо работал — ему и самому нравилось. Даже начальник был им очень доволен. А сын мой говорил, что он лучше всех справляется и что, наверное, это его призвание. А потом его выгнали...

Анди. Учился я из-за Ани. Не только из-за нее, но из-за нее тоже. То есть я знал, что мне и мечтать о ней нечего, если у меня не будет профессии. Да и профессия эта не такая уж плохая. Я хотел стать мастером, таким, как мой дядя. Тогда я мог бы неплохо зарабатывать, жениться на Ане и обеспечивать семью.

Дом мой был теперь у дедушки с бабушкой. Когда я приходил с работы, мы садились за стол всей семьей, и бабушка кормила нас обедом. Я спешил домой, потому что заранее радовался семейному обеду. Я чувствовал себя совсем взрослым и не раз слышал, как дед расхваливал меня бабушке за то, что я хорошо работаю. Но потом я опять оказался, что страшнее всего, самым ничем в нашей шайке.

Из обвинительного акта. «...Андреас Ц. Обвиняется в том, что в ночное время в отдаленном конце города он напал на Олафа К., угрожая жизни последнего, требовал деньги...»

Анди. Как-то мы с Франком и Хольгером отправились прошвырнуться. Деньги у нас кончились, заехали мы далеко, и им обоим уже хотелось домой. Но мне-то спешить было некуда. Это было уже после того злопо-

лучного рождества. Я жил теперь у Дедушки. Мне было там очень хорошо, но тоже не всегда хотелось туда возвращаться. Вот и в ту ночь так было. Наверное, поэтому пришла в голову заманчивая идея отправиться в парк и вытрясти из какого-нибудь типа пару марок на пиво. Странно, что Хольгер и Франк тоже об этом подумали одновременно со мной. Они первыми напали на этого типа, но тут-то как раз нас и схватила полиция. Собственно говоря, я даже не успел принять участие в этом деле.

Из обвинительного акта. «Хольгер М. и Франк Л. потребовали у пострадавшего Р. наличные деньги, ценности или, по крайней мере, сигареты. При его отказе отдать сигареты «добровольно» применили силу, в результате чего пострадавший упал; при падении получил серьезное повреждение... Андреас Ц., будучи также доставлен в полицейский участок, давал ложные показания, пытаясь взять на себя вину Хольгера М., выдать себя за главного виновника и, таким образом, облегчить обвинение против своего товарища».

Анди. Из отделения меня доставили на полицейской машине в дом к деду с бабушкой, потому что я был там прописан. Дед не мог скандалить со мной при полицейских и решил для начала запереть, но я в тот же момент снова вылез на улицу через окно в туалете, сел в такси и снова приехал в участок. Но начальник ихний сказал, чтобы я быстрее проваливал, пока меня отпускают. Оказывается, меня имели право задержать, потому что мать подала в полицию на розыск. Тут я, конечно, живо смылся.

Когда я следующий раз пришел к матери, она, пока я был в ванной, вызвала моего надзирателя, чтобы отправить меня в детский дом. Этим она меня окончательно предала, а я-то думал: что это она со мной такая ласковая? Конечно, я сбежал еще по дороге — приюта я боялся больше всего на свете.

Отрывок из письма воспитателя матери Андреаса. «Уважаемая фрау Ц. Я отвечаю за содержание вашего сына в приюте Хюттен. Поскольку вы с самого начала дали согласие на его содержание под охраной, то мы и предпочли прибегнуть к

этой строгой мере. Тем не менее ему несколько раз удавалось совершить побег, о чем, я полагаю, вам должно быть известно. Наша вина состоит лишь в том, что мы не можем окончательно уподобить тюрьме наше детское исправительное учреждение и держать детей в строгой изоляции. Мы вынуждены снять с себя ответственность за вашего сына».

Ордер на арест. «Против Андреаса Ц. возбуждено дело. Он подозревается в том, что, находясь в нетрезвом состоянии, ночью 9 сентября с.г. совершил нападение на студента Эрнста Т., ехавшего на велосипеде через Альтен Тайхвег, Гамбург, 70. Андреас Ц. вынудил последнего остановиться, ударил разбитой пивной бутылкой по голове, затем бил ногами по лицу, в результате чего пострадавший получил тяжелые увечья».

Анди. На следующий день об этом писали все газеты. «Рокер подвергает пыткам студента», «Садист требует денег на пиво»... и далее красочные описания. Меня загнали в тупик. Началась настоящая охота. В доме Дедушки поставили подслушивающую аппаратуру. Из шайки забрали всех, кого только было можно. Но меня голыми руками не возьмешь...

Господин Х. (стрелявший). Я на жизнь не жалею. Хотя и трудно порой приходится — работаешь без праздников и выходных, — а все же приятно сознавать, что ты сам себе хозяин. Бережливость в нас воспитывали с детства. Главное — это точность, чистоплотность, порядок. Я своим детям не позволяю шлаться где попало. Это главное. Выдаю им карманные деньги на самые необходимые расходы, но за это они должны отработать по дому. А как вы думали? Далеко не во всех семьях дела обстоят так хорошо, как в нашей. Сейчас каждый думает только о себе и все друг другу враги.

Я уже получил по поводу этого дела 30 или 40 писем, но содержание всех одинаковое — все мне сочувствуют. Вот и сегодня опять получил письмо. Мне пишут: «Желаю вам душевных сил и хороше-го защитника».

Сокращенный перевод
с немецкого
И. ПОРУДОМИНСКОЙ

КТО ВИНОВАТ?

Историю жизни Анди Ц. обсуждают будущие педагоги, студенты пятого курса Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина.

Ира Полуэктова. А ведь если судить по тому, что говорится в материале об Анди, он человек с хорошими задатками. Он мог быть добрым, смелым. Он тянется к людям, к общению — к матери, к девочке своей, к отцу...

А в общем-то, если посмотреть, тот человек, который его убил за исковерканную машину... Он какой?

Вера Зверева. Может быть, у него было такое состояние, аффекта, что ли? Когда человек не отвечает за свои поступки. И все же просто потрясает хладнокровие, с которым он говорит, что все, мол, ему сочувствуют...

Ира. Мне кажется, он просто себя убеждает в своей правоте, себя как-то успокаивает.

Таня Полякова. И вовсе он себя не убеждает, он совершенно в своей правоте уверен. И эти письма... Сочувствуют убийце, что повредили его машину! Получается, все то, что он сделал, — это правильно. Мне кажется, это потому, что у этих людей такие понятия и ценности. Для них главное — собственность.

Таня Капелевич. Просто мировоззрение у них такое.

Таня Полякова. Нам представить это трудно. Я вот, например, не могу себе такого представить...

Саша Карасин. У всех бывают такие моменты отторжения, неприятия людей. Были и у меня, когда хотелось что-

нибудь такое сотворить... Но не сотворил. Все-таки все другое и во мне, и вокруг. В-первых, другая жизнь и, во-вторых, другое воспитание. Да, я из благополучной семьи. С более раннего возраста научился оказывать на себя тормозящее влияние. Именно сам на себя. Без всяких воспитательных моментов. Были, конечно, и у меня такие друзья, чем-то похожие на Анди. Вот один из них до сих пор «себя ищет». Человек моего возраста, нигде не работает, сидит на шее у матери и ищет себя. Все зависит от семьи. Когда человеку негде даже побыть одному — это уже плохо. Не говоря уже о том, что у него нет какого-то нормального общения. Необязательно воспитательного или невоспитательного, а просто общения с более старшими, более опытными людьми, которые могут ему просто даже не что-то посоветовать, а так, ненавязчиво, подсказать. Сам в таком возрасте далеко всего не знаешь, и можно наделать глупостей

Ира. А меня что удивило — этот Дедушка, как они его называют. Почему ему интереснее с ребятами? То ли какое-то сострадание — ведь они, в общем-то, бездомные, — то ли правда ему с ними интереснее.

Таня Полякова. Он тоже одинок, у него есть потребность в общении, и он находит людей. Мне кажется, что

случай с Анди не единичный. Мы же читаем, как там распространена, к примеру, наркомания. Это та же смерть, только в другом виде. А как на них воздействовать, как уберечь?

Ира. На таких ребят можно воздействовать не прямо, а через окружение, через самих же ребят, например... А кто его убил? Получается, его убили все. Каждый приложил к этому руку. Конечно, косвенно. Им всем его жалко — хороший парень, но вины своей никто не чувствует. Все перекладывают вину друг на друга.

Таня Капелевич. Такого чувства — «я виноват» — не испытывает никто.

Марина Ванюшкина. Мне кажется, что Анди смог бы жить, если бы нашел себе товарища, друга, с которым мог бы все разделить. Вместе-то легче переживать все.

Саша. Один или с другом. Это не принципиально. Здесь конфликт человека и общества.

Марина. Но ведь бороться легче все-таки не в одиночку.

Ира. Надо ведь понимать, что виновато общество.

Саша. Да ведь он этого не понимает. Для того чтобы спокойно жить, надо принять общество, а если бы он его принял, все окончилось бы тем же самым: он зарабатывал бы на свой автомобиль и потом в конце концов мог бы тоже стрелять в других. Это был бы другой человек. То есть или он подчиняется тому обществу, или не подчиняется, значит, грубо говоря, выбраковывается. Общество может его раздавить — и все. Вот как в этом случае.

Марина. Да, конечно, свои поступки он не осознавал как

протест против общества. Если бы он осознавал, он был бы просто другим человеком.

Ира. Он чувствовал, что-то не так. Кругом, казалось бы, все благополучно, все как надо, а на самом деле неблагополучно, он это чувствовал. Ему общество рисовало картинку: вот твой дом, кругом твои чистенькие детишки, автомобиль... Красиво. Тот человек, который его убил, говорит, что у него все в порядке. А помните, его жена с тоски напивается и ездит в метро, чтобы увидеть лица людей.

Помните, отец того парня, которого избили, говорит, как он работает с молодежью, как они там спортом занимаются.

Саша. Ну и что? Он же сам говорит, что такие люди, как Анди, мешают работать с молодежью. Он сам его топил, не хочет за него браться. У нас тоже есть «трудные» ребята. И не всегда в их судьбе виновата только семья. Но у нас общество старается помочь. У нас общественная установка просто иная. У нас стараются сделать людей полезными для общества. Хотя и то общество старается сделать людей полезными для того общества... Здесь просто два различных понимания пользы. Наше общество старается не отторгать людей. А там, и это подтверждается материалом, общество живет по иным, жестоким законам. Общество людей, которые тянут все на свою сторону, и очень часто получается так, что просто вытягивают из-под ног у человека землю. И получается как у Анди.

Марина. Они же все от Анди берут! Никто ему ничего не хочет дать. Эта его

девочка, Аня... Ну, наверное, она просто не так к нему относится, как он к ней. Может, она его просто не любит. Или Дедушка. Он берет от ребят, спасается от одиночества, а что он им дает? А Анди пытается отвечать за всех. Он первым бросается к тому парню, которого ранили. А ему? Кто что дает? Он к матери тянется, а она ему что?

Ира. Там просто изначально по-другому детей воспитывают: «Голубчик, расти себя сам». Такой пример. К нам приехали ребята из Голландии, такого же возраста, как и мы, учителя начальных классов. Когда мы познакомились, говорили, мне казалось, что они лет на пять — на семь старше, что они совсем взрослые люди. Они рассказывали о том, что живут отдельно от родителей, сами себя обслуживают, сами зарабатывают себе на жизнь, все сами. А мы живем под крылышком у родителей.

Таня Полякова. Нам тоже хочется вести самостоятельную жизнь. Отдельно от семьи.

Вера Зверева. У нас не каждый родитель скажет: иди, живи отдельно. Да еще просто жалко своих родителей, у самого забота о родителях какая-то есть.

Саша. Два полюса. Один, когда бросают своих детей — плыви сам. А у нас их действительно часто слишком долго кутают, одевают, обувают. По-моему, надо все-таки пораньше приучать к самостоятельности, гораздо раньше, чем это у нас делается. Люди доживают до зрелого возраста, до двадцати пяти лет, и не знают элементарных вещей. Инфантилизм просто элементар-

ный. А плохо поступать легче, чем хорошо. Надо разумно сочетать самостоятельность и ограничения.

Марина. Но ведь это все не из-за того, что там меньше любят детей. Может, у них трезвый расчет: ребенок должен потом все равно жить самостоятельно, а у нас преобладает чувственная сторона, любовь к детям, а не рационализм.

Саша. Честно, не знаю, если бы Анди сейчас был вот здесь, сидел передо мной... Вот я такой, он такой, как описан в материале...

Таня Полякова. Надо было принимать его таким, какой он есть? Как это сделал Дедушка? Правда, он принял его таким, как он есть, но ничем ему не помог.

Саша. Если бы Анди был здесь с нами, все было бы проще. Тогда бы его практически не надо было переделывать. Только помочь.

Ира. А все те, кто его окружает... Мне стало как-то нехорошо, когда я прочитала о владельце табачной лавки. Ему пишут письма, его поддерживают! Мне от этого стало страшно.

Марина. А помните последние фразы? «Я своим детям не позволяю шлаться где попало. Выдаю им карманные деньги на самые необходимые расходы, а за это они должны отработать по дому». И потом вопрос: «А как вы думали?» Мне вот это страшно показалось. Мы говорим, как помочь Анди. Мне кажется, этот вопрос из двух частей. Первая — помощь, вторая — жалость. А что значит помочь? Помочь ему одному? Хорошо, один раз ему бы помогли, а дальше? Здесь надо лечить общество.

Записала Н. РУДНИЦКАЯ

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ОСЛО. Ежемесячник Всемирной организации здравоохранения «Здоровье мира» сообщил, что норвежские врачи обратились к своему правительству с призывом поддержать план, согласно которому норвежцы к 2000 году должны превратиться в «некурящую нацию». Если этот план будет осуществлен, Норвегия окажется первой в мире «зоной, свободной от сигарет».

НЬЮ-ЙОРК. Здесь состоялся Международный день солидарности с народом

Сальвадора. Молодежь приняла участие в демонстрациях протеста против присутствия на американской земле 1500 солдат сальвадорской хунты, которые недавно начали проходить курс военной подготовки в штате Северная Каролина. Американские власти намерены истратить на их обучение 18 миллионов долларов.

БЕРЛИН. Союз свободной немецкой молодежи (ССНМ) наметил провести конференцию по вопросам культуры, неотъемлемой частью которой стали в ГДР дискотеки.

По данным газеты «Юнге вельт», в гостях у дискотек за все время их существования (первые дискотеки появились в стране в конце 60-х годов) побывало почти 800 миллионов человек. Однако накопленный опыт не освобождает от проблем. По мнению специалистов, современная дискотека остро нуждается в новых идеях, специально подготовленных ведущих (их общее число в ГДР уже превысило 10 тысяч) и, конечно же, в хорошей музыке. Все эти вопросы будут обсуждены на конференции.

ДОМ К

Я вспоминаю маленький городок на юге Германской Демократической Республики, дома старинной прочной кладки и особенно один из них — типично немецкий узколицый дом в центре города...

Первое впечатление от вечеров на земле ГДР, что это земля «жаворонков», то есть все спать ложатся рано и встают с петухами. Объяснение простое: так-ков здесь уклад жизни. Работа на предприятиях, в учреждениях начинается раньше, чем у нас. Можно проехать на автобусе

Пренцлау — небольшой городок на севере ГДР. В 1969 году здесь возник самодеятельный театр. Музыкальный. Молодежный. Руководит театром Бригитта Буш, по специальности учительница русского языка. Музыкальной частью заведует директор местной музыкальной школы, двадцатичетырехлетний Юрген Бишоф. Они называют свой театр «Молодежное кабаре». Программа составлена из отдельных номеров: сатира и юмор, музыка, песни и танцы. Тексты — забавные и зубастые. Трижды в месяц «Молодежное кабаре» выступает в помещении камерного театра Пренцлау. Каждые два-три года труппа «омолаживается», повзрослевшие питомцы театра уходят во взрослую жизнь, причем половина бывших артистов (и в этом видят свою главную заслугу руководители театра) стали учителями.

Из 650 любительских музыкальных коллективов ГДР двести — молодежные. «Молодежное кабаре», завоевавшее множество призов на фестивалях и конкурсах самодеятельного искусства ГДР, заслуженно считается одним из лучших.

На снимках: один вечер из жизни «Молодежного кабаре».

молодежи дом, в котором когда-то размещалась контора, а еще раньше, наверное, жила семья ремесленника и на первом этаже была лавка. Дом нуждался в ремонте, дому нужен был хозяин. Этим хозяином и стала молодежь. Деньги на ремонт заработали на субботниках. Городской совет помог необходимыми материалами. И все, что есть в Доме (теперь уже с большой буквы), сделано своими руками.

Мы пришли сюда, когда над городом сгустились ранние сумерки. Маленькая прихожая, очень вкусно пахнет кофе. Направо — небольшой зал, столы, стойка. Это кафе. В дальнем углу парочка, они никого не замечают, им хорошо вдвоем. Их тоже не сразу заметишь, потому что в центре зала, сдвинув несколько столов, разместилась большая компания. Здесь тонкостенные бокалы с пенным пивом и бурная, но негромкая дискуссия. Мы взяли кофе и тоже посидели немножко. Потом пошли в дискотеку. Она рядом, из прихожей дверь налево, толстые 300-летние стены прекрасно изолируют звук. В дискотеке сегодня день «ретро» — музыка конца 60-х годов, «Битлз», «Роллинг стоунз». Каждый новый диск ведущий предваряет коротким объяснением. Это и передышка между танцами.

Мы поднимаемся на второй этаж. (Дом молодежи в Бад-Зальцунгене на первом этаже только начинается, первый этаж для новичков, для тех, кто еще не совсем почувствовал себя хозяином Дома, кто приходит сюда «провести вечер». Рано или поздно такому тоже захочется подняться наверх.)

Большая комната. Диваны, кресла, мягкий боковой свет, настольные лампы. На стенах полки с книгами. Двое ребят

АК ДОМ

Татьяна КОРСАКОВА

ранним вечером, всего в семь-восемь часов, через многие города, средние и маленькие, и не встретить на улицах ни одного человека. Где толпы молодежи, где «бродвеи» и «стометровки»?

А вот где: молодежь здесь «толпится» по вечерам, как правило, в Домах молодежи.

Я с удовольствием написала слово «Дом» с большой буквы — настолько удачно согласуется идея такого Дома со стилем жизни современной молодежи. И она, эта большая буква, соответствует тому

значению, которое придает подобной форме проведения досуга Союз свободной немецкой молодежи. Дома молодежи есть не только в Берлине и других крупных городах. Они стали центрами организации свободного времени и в сравнительно небольших населенных пунктах, как, скажем, городок Бад-Зальцунген.

В один из теплых дней предзимья мы приехали в этот районный центр округа Зуль и были очарованы им. Узкие, взбегающие на холм улицы, аккуратная булыжная мосто-

вая, лебединое озеро, обитатели которого ничуть не боятся нацеленных на них фотоаппаратов. Приставка «бад» свидетельствует о курортной «специализации» городка, но здесь немало и промышленных предприятий. А значит, и рабочей молодежи.

Недалеко от центральной площади 1200-летнего Бад-Зальцунгена как раз и стоит Дом молодежи, самое, без сомнения, популярное место у молодых людей города и округи в возрасте от десяти до... может быть, тридцати лет. Вопрос «Куда пойти вечером?» в Бад-Зальцунгене решается очень просто: конечно, в свой Дом.

Городской совет отдал

что-то ищут, листая газеты. За столом сидит парень, за книгами его почти не видно.

— Библиотекарь?

— Нет, составитель кроссвордов. Местная газета объявила конкурс. А библиотекаря у нас нет. Есть только дежурный член совета Дома. Он приносит свежие газеты и журналы.

В соседней комнате блицтурнир—это шахматный клуб. Народу здесь побольше, чем в дискотеке.

Поднимаемся на этаж выше и попадаем... в кухню.

— Здесь кто-нибудь живет?

— Нет, но, допустим, вы пришли сюда прямо с работы или проголодались, наплясавшись в дискотеке, вот плита, вот холодильник. Все в вашем распоряжении, вы здесь хозяин, значит, все делаете сами и, уходя, оставляете кухню в таком же порядке, в каком нашли ее час назад.

В Бад-Зальцунгенском Доме молодежи есть еще киноклуб, самые разные кружки от кройки и шитья до классической гитары, есть несколько вокально-инструментальных ансамблей, у которых своя комната для репетиций. Есть маленький хор, концерты которого собирают слушателей и из соседних районов. В репертуаре хора, кстати, много советских песен.

Но самое главное, как считают наши друзья из Союза свободной немецкой молодежи, что в такие Дома и клубы ребята приходят как домой, здесь можно делать все, что хочешь, и даже просто ничего не делать, а быть дома. Таких Домов и клубов в республике становится все больше и больше при предприятиях, учебных заведениях, го-

родских советах. А похожи они тем, что в любом из них хозяин один — сама молодежь.

Остановим внимание на слове «сама». Это в некотором роде девиз Домов и клубов молодежи в ГДР. С а м и строят свой Дом, с а м и руководят его деятельностью, с а м и наводят чистоту.

На стенах в кафе, в прихожей, на лестничной клетке висит «Распорядок» (это, наверное, чтобы никто потом не говорил: «Я не знал»). Правила довольно строгие: если проступок незначителен, с нарушителем просто поговорят; если же натворил что-то серьезное, то провинившемуся запретят бывать в Доме молодежи. Срок наказания от года до четырех лет. Свои же ребята, совет Дома, письмо напишут на работу и в организацию ССНМ.

В молодежном клубе Берлинского экономического института один парень разбил при нас высокий стакан с пивом. Смущенный и попытался отстыда подальше уйти. Его товарищ заметил: «Ты что? Надо же убрать». Нашел совок и веник, убрал. Наблюдавший эту сцену активист институтского совета ССНМ заметил: «У нас в клубе ведь только два штатных работника,— и кивнул в сторону бармена с барменшей.— Неужели мы, взрослые двадцатилетние люди, не справимся сами? Это же наш дом, мы здесь за все отвечаем». С этим чувством ответственности за себя, за свои дела мы постоянно сталкивались, встречаясь с молодежью ГДР.

В ГДР, как известно, составляются долговременные планы возведения объектов, есть определенные фонды стройматериалов; рабочей силы не хватает... Стало быть, откуда чему взяться, если

какой-нибудь районный совет ССНМ вдруг решит, что назрела необходимость иметь собственный Дом молодежи? Вопрос обычно решается так. Городской или районный совет предлагает молодежи посмотреть пустующее из-за необходимости ремонта помещение. Говорят примерно так: «Собери ребят, посмотри, возможно, вам подойдет этот подвал или бывший склад...»

Примерно так сказали однажды студентам Магдебургского химико-технологического техникума. А когда мы в этот техникум приехали, нас встречали уже в домашнем клубе. Ребята показали любительский фильм о любимом Магдебурге, старинном и заново отстроенном после войны городе на Эльбе. Девочки к нашему приходу приготовили угощение — бутерброды: на маленьком квадратике хлеба гора всякой всячины — салаты, кусочек того, кусочек сего... В комнатке, где стоял стол с ужином, я случайно взглянула на потолок и увидела какие-то трубы, кабели, провода. И вспомнила: это ведь обыкновеннейший подвал, который был в свое время выметен, вычищен и переоборудован под клуб руками самих студентов. Я представила себе, какой хохот здесь стоял, когда сверху по лестнице катились старые бочки, как остро тут пахло лаком, которым покрывали будущую «мебель», как расставляли по углам эти бочки — кружком, чтоб друзья собрались в круг.

В студенческом клубе Берлинского экономического института двадцать секций. Одних студентов интересует больше всего политика, и они профессионально, умело готовят лекции о внутренней и внешней политике ГДР. Другие любят фольклор-

ное искусство и ездят по стране, изучают и собирают народное творчество, увлеченно поют и пляшут в ансамблях. Третьи ведают дискотекой. Четвертые — газетой. Пятые — организаторы и оформители всех крупных событий в клубе и институте. Шестые участвуют в охране и реставрации исторических памятников...

Так можно назвать все двадцать секций. Но важнее не перечислить, а убедиться: каждый студент может здесь, в Доме молодежи, найти себе дело по душе, развлечение по нраву. Разве умение хорошо провести вечер не есть богатство личности?

Президент студенческого клуба Берлинского экономического института — член институтского совета ССНМ. Одно это говорит о том значении, какое придают активисты Союза свободной немецкой молодежи организации отдыха.

Думаю так: Дома и клубы молодежи в ГДР учат молодое поколение страны культуре общения. Учат самостоятельности. Учат бережливости, отращиванию к расточительству (было бросовое помещение — стало любимым местом встреч). Словом, помогают взрослеть. И не зря же в «Распорядке», висящем на стене Бад-Зальцунгенского Дома молодежи, сказано, что Дом служит прежде всего «целям повышения образовательного и культурного уровня, а значит, развитию черт коммунистической личности».

Не существует ныне в языке молодежи ГДР нелицеподобного выражения «убить время». Вас просто не поймут, если вы заявите: «Где бы убить время?» А если с трудом и поймут, то наверняка скажут: — «Убить время» — это занятие, недостойное свободного человека в свободной стране.

ВНЕ ИГРЫ

Геннадий ПЕТРОВ,
Валерий КУЧЕРОВ

На вопрос, сколько в Бразилии футбольных болельщиков, «торсидорис», социологи ответить не берутся, а спортивные журналисты уверенно называют цифру — не менее 130 миллионов, миллионов на десять завышая население страны, включая и новорожденных. Уже в полтора года некоторые малыши на радость папам уверенно пинают мяч, а в семь лет десятки тысяч мальчишек осаждают тренеров команд «Молочные зубы». Их искусству владения мячом позавидовал бы не один профессиональный футболист. Да к тому же для многих ребят футбол — единственный шанс выбиться в люди...

У нашего бразильского соседа по дому, флегматичного толстяка, четверо сыновей. Из окна его квартиры видно, как они, мал мала меньше, гоняют во дворе мяч, хотя у них есть

и другие шансы выбиться в люди. Мы же, устроившись у телевизора, ждем начала игры. Сегодня на «Маракане» один из решающих матчей чемпионата Бразилии. Сегодня «Флуминенси» встречается с «Фламенго». Мы поклонники «Флу», и сосед не мог отказать себе в удовольствии пригласить нас вместе поболеть. Еще вчера сеньор Фернанду выглядел тихим, немногословным человеком. Сейчас его не узнать. С раннего утра он вывесил из окна своей квартиры огромный флаг «Флу», другой полощется над крышей его автомобиля. Глаза лихорадочно поблескивают за толстыми стеклами очков; он то и дело вскакивает с кресла и подбегает к окну, в нетерпении перебирает разложенные на подоконнике полсотни петард.

Сеньор Фернанду настроен категорично. «Третье место в Аргентине — это позор! Неслыханный позор!» Как и всякий бразилец, наш сосед считает себя знатоком футбольной теории и обвиняет во всех грехах Коутинью — старшего тренера сборной Бразилии, завоевавшей на последнем чемпионате мира в Аргентине «позорное» третье место.

Мы, как можем, успокаиваем соседа, напоминаем, что бразильская сборная была единственной, которая не потерпела ни одного поражения, что просто молодым, необстрелянным игрокам сборной не везло в первых матчах... «А почему? — взрывается сеньор Фернанду. — Почему взяли зеленых? Что, им не из кого было выбирать?»

Это правда, недостатка в выборе у бразильских тренеров нет. На каждое место в сборной претендует чуть ли не полдюжины достойных игроков. Бразильский футбол не обделен талантами. Дело совсем в другом: в произволе «картол» (дословный перевод — «шляпы», «цилиндры»). Так презрительно окрестили в стране всемогущих владельцев и меценатов футбольных клубов. Для них футбол бизнес: конечно, хорошо, когда сборная выигрывает, но так, чтобы это не мешало поступлению доходов. Утечка игроков за границу приняла в последние годы угрожающие масштабы. Сам Ривелину (звезда «Флуминенси» и сборной) подался в Саудовскую Аравию. Владельцы «Флу» не остались внакладе. Продажа ветерана бразильского футбола позволила залезшему в долги клубу поправить свое финансовое положение. В то же время упаковал чемоданы и Роберту, проданный за астрономическую сумму в Испанию; знаменитого нападающего «Фламенго» и сборной Зику собирались «уступить» итальянским меценатам...

Начался матч, и с первых же минут мы поняли: никакие кризисы и беды, прошлые и будущие, не могут изменить главного — влюбленного отношения бразильцев к футболу. Нет, речь шла не о гигантской чаше «Мараканы», выплескивавшей на нас бурю страстей с телеэкрана: тысячеголосые вздохи и стоны трибун, тысячекратные взмахи простынями флагов, тысячерукие потасовки, разнимаемые дюжими полицейскими. Нет, сейчас перед нами сидел один-единственный обыкновеннейший телевизионный болельщик, наш тишайший сосед сеньор Фернанду, но зрелище, которое он собою являл, стоило, пожалуй, всей двухсоттысячной «Мараканы».

Губы его беззвучно шевелились, на лбу выступила испарина, он впился глазами в телеэкран, а руками в спинку стоявшего перед ним стула, напрягся, словно тигр, готовый к прыжку, и едва «Флуминенси» перешла на половину поля противника, как этот прыжок состоялся. Отбросив в сторону стул, стокилограммовый сеньор Фернанду в два прыжка очутился у распахнутого настежь окна и, схватив с подоконника петарду, разрядил ее в вязкую тишину бразильского вечера. Из окон соседних домов ему ответили тем же, и в полуминутном, слившемся в один залпе потонули все остальные звуки улицы.

Так продолжалось до перерыва. Стоило «Флуминенси» ударить по воротам соперника или создать более или менее опасную ситуацию, не говоря уже о том, чтобы забить гол, как сеньор Фернанду выпаливал в небо сразу дюжину «бомб». А поскольку по соседству жили болельщики не только «Флу», но и «Фла», то пальба не прекращалась ни на минуту. Окончание первой половины матча мы встретили, честно говоря, с облегчением, а сеньор Фернанду был в отчаянии: «Флуминенси» проигрывала один мяч.

Чтобы хоть как-то его успокоить, мы начали вспоминать

прошлое: трехкратное бразильское первенство в мировых чемпионатах; Золотую богиню Нике, навечно поселившуюся в музее Федерации футбола Бразилии; героев тех лет — Пеле и Гарринчу...

Их первые шаги были схожи, как две капли воды, с судьбой всех звезд бразильского футбола. Вот что рассказывает о Гарринче Мариу ди Морайсу, известный в Бразилии спортивный хроникер:

— Однажды я приехал на базу «Ботафогу», чтобы взять интервью у тренера команды Жентила Кардозу. Мы беседовали с ним, укрывшись от палящего солнца под навесом, как вдруг нас прервал Арати, один из игроков клуба: «Он пришел! Посмотрите его в деле!» Жентил пренебрежительно пожал плечами, но все же мы пошли взглянуть на новичка. Увидев нескладную фигуру, Жентил засмеялся: «Этот, что ли, хочет стать грозой вратарей?» Арати обиделся: «Проверьте парня, Жентил. Я за него ручаюсь».

Тренер дал мальчишке майку с седьмым номером и разрешил выйти на поле в команде запасных. Как только новичок получил пас, он легко обвел одного защитника, другого, ловко протолкнул мяч между ногами своего опекуна (которым случайно оказался знаменитый Нилтон Сантус!) и, очутившись за его спиной, мощно пробил по воротам. Гол! Жентил и второй тренер в изумлении переглянулись. Когда игра закончилась, они поспешили заключить с Манозлом контракт. Зачисление в знаменитую команду поначалу мало изменило жизнь Манэ. По утрам он отправлялся на текстильную фабрику в Пау-Гранди, где в обеденный перерыв увлеченно гонял мяч прямо на территории предприятия, благо его владелец был серьезно болен футболом.

До 1958 года — чемпионата мира в Швеции — мало кто знал Манозла Франсиску дус Сантуса — Гарринчу и Эдсона Арантиса ду Насименту — Пеле. Именно в Швеции пробил звездный час бразильской сборной, хотя еще задолго местные болельщики искренне считали свой футбол если не самым лучшим, то, по крайней мере, самым красивым в мире. Правда, бразильцы довольно часто уступали соперникам в решающих матчах, и тогда страна погружалась в траур, а болельщики, не жалея эмоций, чем угодно оправдывали очередной проигрыш сборной. И вот чемпионат в Швеции, куда в качестве запасных игроков отправились Пеле и Гарринча. Случайность — травмы некоторых ведущих мастеров — позволила им выступить в основном составе. Оба новичка продемонстрировали виртуозный футбол и возвратились из Швеции чемпионами мира, а значит, национальными героями. Болельщики моментально окрестили Пеле «лучшим футболистом всех времен». Гарринча же, приводивший всех в восторг фантастическими финтами, стал «гением футбола» и «радостью народа».

И Гарринча оправдал надежды болельщиков. Во время матчей он проявлял высочайшую расчетливость и интуицию, хотя в жизни был наивен и непосредствен... Его друзья по сборной вспоминают такой случай: перед началом одного из ответственных матчей в Италии знаменитый правый крайний вдруг исчез. Тренеры объявили срочный розыск Гарринчи, но тот будто сквозь землю провалился. Лишь за несколько минут до свистка он появился и, счастливо улыбаясь, сказал, что гонял мяч с ватагой местных мальчишек.

После чемпионата в Швеции Гарринчу осаждали владельцы многих местных и иностранных клубов, соблазняя крупными гонорарами. Он остался в «Ботафогу». Гарринча самозабвенно жонглировал мячом, забывая при этом обо всем на свете, в том числе о грубости защитников, которые все чаще останавливали его недозволенными приемами. Когда после очередной травмы потребовалось хирургическое вмешательство, «шляпы» не только категорически отказались оплатить операцию, но и всячески оттягивали ее. Дело в том, что как раз в это время «Ботафогу» отправлялась в турне по Европе и отсутствие Гарринчи сократило бы сборы наполовину. Когда же по возвращении какой-то богатый болельщик согласился оплатить операцию, было поздно. Врачи вынесли приговор: Гарринча как игрок умер.

Нога болела все сильнее, но срок контракта Гарринчи с «Ботафогу» еще не истек. И тогда «шляпы», решив избавиться от ставшего обузой игрока, продали его другой команде. Но и там он долго не продержался. Манэ подался было в коммерцию, но его крошечный ресторанчик «Дядюшкины усы», в который он и его жена Элза Соарис, довольно известная в Бразилии исполнительница самбы, вложили все сбережения, вскоре прогорел.

Почти двадцать пять лет назад, возвратившись на родину после победы на шведском чемпионате мира, Гарринча тайком от соседей по кварталу оплатил их долги в продуктовой лавке. Сейчас ему было нечем оплатить свои собственные. Время от времени он выступает в команде ветеранов с ироничным названием «Миллионеры». Наградой 48-летнему Гарринче ныне служат не кубки и премии, а скромная щедрость местных меценатов.

Мы увидели его после одной из тренировок детских футбольных команд. Он тщетно пытался вырваться из кольца окруживших его мальчишек. «Манэ, ну еще разочек, еще!» — кричали они. Гарринча смущенно улыбнулся и поймал затылком — именно поймал! — подброшенный кем-то мяч, да так, что тот будто приклеился к его волосам. Через секунду мяч послушно скатился по плечу, «прошелся» по вытянутой левой руке, затем взобрался на спину и прокатился по правой руке. Жонглер был доволен не меньше, чем обступившая его детвора.

Мы подошли ближе, представились. У него оказались усталые глаза и тихий голос, в котором слышалась безучастность, если не сказать — равнодушие к тому, о чем он говорил. В ту встречу нас больше интересовали не игровые схемы и приемы, а человек — кумир в прошлом. Разговор не очень-то клеился: наш собеседник был явно не расположен отвечать на такого рода вопросы. «Мечта? — переспросил он. — Да, есть. Хочу, чтобы сынишка играл когда-нибудь в сборной. Под номером семь — под моим номером...» Он немного помолчал: «Нет, лучше под каким-нибудь другим... И чтобы от него не отвернулась судьба». Гарринча протянул руку, мы простились.

Многие бывшие футбольные звезды разделили участь Гарринчи. Жаирзинью, его преемник в «золотой» сборной, прозванный в свое время «ураганом кубка», забыт всеми и зарабатывает в одной из провинциальных команд. Другой игрок легендарной сборной, Клодоалду, оказался должником клуба «Сантус», в котором играл 14 лет. Все это время у Клодоалду были очень небольшие гонорары, а клубные «шляпы» делали на его имени миллионные барыши. В чемпионатах штата Сан-Паулу и розыгрышах кубка страны, которые местная печать нередко сравнивает по игровой грубости с военными баталиями, техничный Клодоалду не раз получал, как и Гарринча, тяжелые травмы. За дорогостоящую хирургическую операцию ему пришлось платить из собственного кармана. И вот когда тридцатилетний форвард решил оставить спорт, заправила клуба выдвинули требование: прежде чем уйти, игрок должен выплатить якобы накопившиеся за четырнадцать лет долги.

Но вернемся к матчу, который мы с сеньором Фернанду смотрели по телевизору. Второго Гарринчи не было, как нет его и во всем бразильском футболе. Это обстоятельство не помешало, однако, «Флуминенси» отквитать пропущенный в первом тайме гол, а сеньору Фернанду устроить по этому поводу трехминутную канонаду. Закрывая ладонями уши, мы подумали, если бы вдруг вся страсть болельщиков обратилась на оставшихся вне игры Гарринчу и его товарищей, то...

Мы так и не подсчитали, сколько пробежек от кресла до окна сделал душной ночью наш тишайший сосед, но факт остается фактом: когда на последней минуте матча «Флуминенси» забила победный гол, у него не оставалось уже ни одной петарды. И тогда, недолго думая, сеньор Фернанду выбросил в окно свою необъятную шляпосомбреро, а после этого огласил улицу криком, какого мы ни разу в своей жизни не слышали ни в амазонских джунглях, ни в зоопарке... Потом он вытащил нас на улицу, усадил в свой автомобиль, увенчанный флагом «Флу», и мы помчались по проспекту в потоке таких же, как эта, машин.

Бразилиа — Рио-де-Жанейро — Москва

Линн ХЭННА,
английский журналист

БЫТЬ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ДУМАЮЩЕЙ ЛИЧНОСТЬЮ

Для начала: один из самых популярных ныне в Англии поп-музыкальных ансамблей называется «Полис». Состав: Стинг (Гордон Самнерс) — бас-гитара, вокал; Стюарт Коупленд — ударные; Энди Саммерс — гитарист. Все четыре записанные ими альбомы: «Аутлэндос д'амур», «Регатта де бланк», «Зеньятта Мондатта» и «Дух в машине» — в течение долгого времени занимали первые места в английских хит-парадах.

...Белфаст черно-белый, и дождь, серый, падает на город, по которому прошла война. Грузовик с солдатами. Солдаты тупо пялятся на разбитые улицы, на редких, боязливо бегущих прохожих, солдаты вдыхают тяжелый воздух, пропитанный запахом горя. Дети с кривой, взрослой хмылкой детей, выросших в войне.

Следующий кадр. Лицо Стинга не в фокусе, и за ним, за этим то исчезающим, то появляющимся лицом, мальчишка целится камнем в армейский грузовик, камера смотрит на куски кирпича в руках мальчишки; молчаливо скользящий похоронный кортеж, смерть...

Это та работа Стинга, которую зрители никогда, возможно, не увидят, — видеозапись, сделанная для новой песни ансамбля «Невидимое солнце». Стинг хотел, чтобы песня звучала с телеэкранов, а на экранах вот эта увиденная им Северная Ирландия. Песню пропустили, видеозапись — нет.

Мне показали ее в студии как бы по ошибке. «Я очень хотел, чтобы вы ее увидели», — говорит Стинг. Стинг — англичанин, католик, жена его — католичка из Белфаста. Еще до славы, еще до свадьбы он ездил знакомиться с ее родителями. «Мне было так стыдно, что я англичанин, что я пытался подделать ирландский акцент».

Стинг на обложке журнала «Сан»: «Самый красивый мужчина Англии!» Это уже слава.

— Это уже стыдно, — говорит Стинг. — Потому что я никогда к такой славе не стремился. Такая слава не для умных людей. Конечно, нет ничего постыдного в том, что человек хочет быть привлекательным. Это нормально, так должно быть. Но «красавчик Стинг»! Единственный способ — относиться ко всему как к дурной шутке.

Нас упрекают в том, что мы играем музыку для четырнадцатилетних. Как будто четырнадцатилетние еще не люди, им и музыка не нужна. Они заслуживают того, чтобы для них играли, они заслуживают радости, которую дает

музыка. Где-то там, в глубине души, я все еще учитель, я, наверное, никогда от этого не избавлюсь.

Кем мы были раньше? «Три веселых менестреля». Думаю, сейчас нам нужно как-то изменить сложившееся о нас представление. К этому я отношусь очень серьезно. Это часть нашей работы. Сейчас все меняется, мы не можем всю жизнь оставаться в «менестрельем» состоянии.

Я очень ответственно отношусь к своему статусу поп-звезды. Я против всех этих стереотипов: музыкант обязательно полупьяница-полунаркоман, эдакий всех и вся клянущий невымытый пророк. Или же музыкант — роскошный прожигатель жизни. По-моему, музыкант-звезда должен быть прежде всего думающей личностью. Этот образ — если только он доподлинный, если музыкант действительно думает, а не прикидывается «думающей личностью», что обязательно когда-нибудь вылезет, — он самый достойный, что ли. Но и самый трудный. Его трудно достичь и трудно поддерживать. Думать всегда трудно.

Надо все время помнить об ответственности. Дело в том, что у того, кто достиг статуса «звезды», слишком много соблазнов. Во-первых, деньги. А испытание деньгами трудно выдержать. Но на тебе лежит ответственность — люди смотрят на тебя. Они думают: вот, он всего достиг, денег навалом, он может себе все позволить. Ведь богатым подражают, даже и презирая их за богатство. Люди должны верить артисту, который представляет их интересы, который — они сами.

И я стараюсь. Я хочу, чтобы меня уважали. Как человека, владеющего собой, человека думающего, человека семейного, в конце концов. Есть знаменитости, вокруг которых никогда не бурлили сплетни. Таких мало. Потому что для этого надо обладать колоссальной силой.

В восьмидесятом группа «Полис» выпустила, пожалуй, самый знаменитый поп-альбом года, почти всю музыку написал Стинг.

— Пока я писал, мне звонили из студии и говорили, что все ждут нашего альбома. Я писал, бился над материалом. «Зеньятта Мондатта» получился настоящим коммерческим поп-альбомом. Мы такой и хотели сделать.

— Вы всегда казались мне очень здравомыслящим человеком, который знает, как использовать свой успех, потому что некоторые оказываются в плену у успеха.

— И все же до какой-то степени мною манипулировали.

И это ужасно. Мне нравится внимание, мне нравится быть знаменитым, я люблю писать, но давление, которое оказывает успех, ужасно. Иногда я просыпался в холодном поту, с мыслью: ну вот, ты — знаменитость. Я выходил на улицу, и люди меня узнавали. И если бы я сделал что-то не так, даже перестал бы уже выступать, люди все равно знали бы, кем я был. Я чувствовал себя мишенью, а это, согласитесь, не очень приятно.

Я живу в Лондоне в обычном многоквартирном доме. У меня нет загородного особняка. Я общаюсь с соседями. Мой ребенок ходит в самую обыкновенную школу. То есть все как у всех. И я все время под наблюдением. Когда наблюдают за моей работой, мне это нравится. Но когда делаешь покупки, гуляешь с собакой...

«Зеньятта Мондатта» был экспериментом по части коммерческой музыки. Мы как бы наблюдали за своей собственной музыкой со стороны, словно она принадлежала кому-то другому, за восприятием ее слушателями. Эксперимент завершен. Это не значит, что мы перестанем писать музыку для слушателей, музыку, которая может иметь коммерческий успех. Но теперь, имея деньги, мы можем себе позволить писать и то, что нас более устраивает, то, что нам

духовно ближе. Нет, не думайте, что мы так уж циничны: нам нравятся многие вещи из этого альбома. Но мы не обольщаемся таким успехом.

Сейчас «Полис» выпустил свой четвертый альбом «Дух в машине» (одна из песен — «Невидимое солнце», о которой я говорил вначале). Музыка — уже привычный для «Полиса» поп, хотя и более ориентированный на «соул». Стинг играет на саксофоне. «В стиле Джеймса Брауна, он мне всегда очень нравился». Содержание альбома отличается от всего, что «Полис» делали раньше: оно более цельное, более сложное. В нем они пытаются противостоять взглядам, согласно которым людьми можно манипулировать, как роботами.

— Вы посмотрите на все эти банды «бритоголовых» на улицах. Те, кто сделал их такими, теперь натравливают на них обывателей, восклицая: «Вот, смотрите, какая ужасная, чудовищная молодежь. Это они виноваты во всем дурном, что происходит в обществе». А то, что такими их сделало само общество, — молчок. Вот об этом наша пластинка. Наши взгляды нашли какое-то отражение в песнях, в текстах, понятных четырнадцатилетним. Под эти песни можно и танцевать, потому что четырнадцатилетнему

Чес МЕРВИН

ТЕМА ДЛЯ ПЕСНИ

Пол ДЮ НОЙЕР,
английский журналист

Рик БАКЛЕР

«Тринадцать ведущих британских рок-групп участвовали в записи уникального альбома, озаглавленного «Жизнь в европейском театре» и выпущенного фирмой Даблю-и-эй в декабре 1981 года. Все доходы от продажи пластинки поступили в фонд борьбы против ядерного оружия. На пластинке записаны песни ансамблей «Клэш» («Говорит Лондон»), «Джэм» («Маленькие солдаты»), «Бит» («Я — ваше знамя»), Питера Габриэля («Я не помню»), Иана Дьюри и его группы «Блокхэдз» («Причины быть веселым»), «Стрэнглерз» («Ядерное устройство»), «Андертоунз» («Это может случиться») и других».

«Нью мюзикл экспресс»,
12 декабря 1981 года

Я пришел на встречу с людьми, которые пытаются внести свою лепту, скромную, музыкальную, в то, чтобы планета все-таки выжила. Во-первых, это Чес Мервин, менеджер группы «Бит» (именно он сделал все для того, чтобы пластинка «Жизнь в европейском театре» увидела свет). Затем Дэйв Уэйкелинг, участник группы «Бит»; Рик Баклер, Пол Уеллер, Брюс Фокстон — все из группы «Джэм».

Чес Мервин. Это неверно — говорить, будто бы я устроил все дело. Пластинки бы не было, если бы не музыканты. Они первыми высказали желание сделать такую пластинку, причем бесплатно. Меня просто поразили энтузиазм, с каким музыканты откликнулись на наше предложение.

Корреспондент. Но ведь инициаторами были все же «Бит»?

Дэйв Уэйкелинг. Обычно, вы знаете, группы не очень-то дружат, когда дело касается денежных интересов. Когда делаешь такую вот сборную пластинку, вечно кто-то обижается, что вот, мол, ему заплатили меньше, чем другим.

А тут, когда выяснилось, что работа бесплатная, все даже обрадовались, никаких вопросов. Мне кажется, это вообще хорошая идея, ее надо развивать.

Корреспондент. А как вы выбирали, к кому обращаться?

Чес Мервин. Ну, мы же знаем, кто чем занимается, у кого какие взгляды.

Корреспондент. А кто-нибудь отказывался?

Дэйв Уэйкелинг. Ну, в общем, были такие...

Пол Уеллер (вскидывается). Кто? Назови имена!

Чес Мервин (дипломатично). Позже...

Корреспондент. А какова была реакция «Джэм» на предложение?

Пол Уеллер. Мы согласились сразу же. Мы впервые участвовали в таком деле вовсе не потому, что мы ленивы или аполитичны, я сам незадолго до этого зарегистрировался в качестве участника кампании за ядерное разоружение. Нет, многие просто не знают, с чего начать.

Чес Мервин. Это ведь не политический вопрос; дело защиты мира — дело каждого.

Пол Уеллер. Это разговор о будущем — будет ли оно у нас. А каждый человек хочет, чтобы у него было будущее. Это такие простые вопросы, так просто и естественно хотеть жить, что даже странно порой бывает, как это — не бояться войны?

Дэйв Уэйкелинг. Знаете, я никогда не питал иллюзий насчет поп-музыки, мол, она к чему-то призвать может, что-то может людям дать, помимо развлечения. А теперь я понял: если молодые люди у нас в Англии — те молодые люди, которые были, может быть, аполитичны, слишком инертны, — видят, что их любимые рок-музыканты участвуют в движении за мир, они просто потому, что подражают нам, тоже примут в нем участие. Тем более что, мне кажется, многие наши молодые люди слишком уж аполитичны.

человеку еще трудно сидеть на месте и слушать всякие теоретические рассуждения или что-то очень сложное. Самое главное, что мы хотели, чтобы ребята вынесли из нашей пластинки, — это то, что они могут сами управлять своей судьбой, что они должны уметь думать. Удалось ли нам это — не знаю.

Я думаю, в какой-то момент всякий думающий музыкант приходит к выводу: нельзя топтаться на месте, иначе не выжить. Никто не хочет надоесть публике. Это было бы просто ненормально. Если ты артист, ты должен добиваться внимания. Но тут важно, каким путем. Мы не боимся говорить о сложном. Например, в песне «Невидимое солнце» — об истинных жертвах сражений в Белфасте — детях. Но опять же о таких вещах нельзя говорить холодно: посмотрел телевизор, сел и написал песню на злобу дня. Такие вещи публика всегда чувствует. А жизнь в Белфасте я знаю на собственной шкуре, я там прожил год. Да и жена моя, она всегда об этом думает, это всегда болит.

— И вы полагаете, что поп-музыка способна говорить о сложных вещах?

— Я всегда говорил, что поп-музыка — неважное средство для разговоров о политике. Я считаю, что настоящую,

сложную мысль трудно высказать в поп-песне. Те поп-группы, которые считают себя «политическими», по-моему, ошибаются. Заметьте, я не говорю о политической песне и о серьезном роке. Я говорю о попе, о чем-то более легковесном, о том, что скорее нравится формой, а не содержанием. Нельзя говорить о серьезных вещах с наскоку, надо быть подготовленным и убежденным. Правда, есть одна вещь, о которой должны помнить и говорить все... Вот у меня есть ребенок, мы с женой ждем второго, но когда я подумаю, что у моих детей почти нет шансов на нормальную жизнь... Когда я думаю обо всем том оружии, которое накоплено в нашей стране, — первая мысль, что те люди, что правят Англией, мягко говоря, глупцы. А мы все терпим, потому что невежественны. Это первая проблема, которую надо решать. И тот страх, который мы испытываем, тоже от невежества. Мы боимся, к примеру, русских, но мы ведь о них толком ничего не знаем. Те, кто правит нами, наклеили ярлык «надо бояться». И мы боимся: по невежеству, потому что, повторяю, узнавать и думать куда труднее, чем принять чье-то готовое мнение. Вот об этом наша последняя пластинка.

Нет, что ни говорите, я никогда не избавлюсь от того, что по первородству своему я все еще учитель.

Брюс ФОКСТОН

Пол УЕЛЛЕР

Дэйв УЭЙКЕЛИНГ

Пол Уеллер. Да, я это заметил. Поговоришь с молодыми итальянцами, французами — у них вполне определенные политические взгляды. А смотрите, какие демонстрации, огромные, могучие, шли в Европе. У нас все же послабее.

Корреспондент. Ну, тут, я думаю, еще и потому, что у нас слишком долгие, сложные и эмоциональные отношения с Америкой, мы с ней все же слишком связаны духовно.

Пол Уеллер. Слава богу, и в Англии теперь уже многие стали понимать, что мы для Америки что-то вроде придатка.

Дэйв Уэйкелинг. Мы для них все равно что буфер, не союзник вовсе, а прокладка, подушечка. Подушечка, которую они, словно булавками, считают возможным утыкать своими ракетами... Нас убеждают в том, что все это для нашего спасения, что русские хотят нас захватить. По-моему, это чушь. Я убежден, что молодые люди на той стороне так же не хотят войны, как и мы. Только нам об этом никто не говорит. Газеты только запугивают, потому нам и кажется, что именно через музыку — ведь она сейчас у нас главное средство общения для молодежи — можно рассказать людям правду. В следующем году мы хотим организовать фестиваль в Австрии, не знаю еще, как все получится, это пока только туманные проекты, но здорово было бы, чтобы приехали группы с Запада и с Востока и убедились в том, что мы все хотим одного — мира. А потом убедили бы своих слушателей.

Телефонный звонок: Луис Альфонсо из группы «Бэд Мэннерз». «Песня, которую мы представили для альбома, конечно, никакая не политическая. Обычная рок-песня. У других групп — «Клэш», «Спешиалз», — у них вполне определенное политическое лицо. Мы же просто развлекатели. Но это не значит, что у нас нет политических взглядов, и мы рады, что смогли участвовать в таком деле и тем самым высказать наши взгляды. Да, мы согласились сразу же».

Пол Уеллер. Наш главный враг — средства массовой информации. Помните, во время маршей за право на труд все газеты вопили, что эти марши инспирированы коммунистами. Как будто только коммунисты обеспокоены тем, что людям надо есть! Так и сейчас заявляют, что те, кто участвует в движении за разоружение, — ставленники Москвы. Как будто это не нормально для каждого человека — хотеть мира.

Дэйв Уэйкелинг. И хотя многие понимают, что пресса лишает их настоящей информации, и думают: «Я, конечно, не верю тому, что в газетах болтают», но ведь ничего другого они не читают!

Пол Уеллер. Та же история: правящее меньшинство навязывает свои взгляды бесправному большинству.

Чес Мервин. А в войне как раз только это меньшинство и выживет. Поэтому они войны и не боятся.

Дэйв Уэйкелинг. Та же ситуация, что и в пятидесятые годы. Нас пугают теми же опасностями, и делают это теми же словами. Мне кажется, наши правящие круги просто ошарашены были антивоенными выступлениями — вся эта публика у власти, похоже, сама так верит своим вымыслам, что удивляется: как же это народ им не верит? Смотрят на нас как на набедакуривших детей — перед гостями неловко...

Тут я вспомнил историю про человека, который угрожал тысячи на бомбоубежище, выстроил у себя в саду, а когда пошел дождик, выяснилось, что крыша бомбоубежища протекает...

Дэйв Уэйкелинг. Отлично! Тема для песни! Слушайте, если вы в «Джэм» ее не используете, можно, я сделаю, а?

Перевела с английского
Н. ХРОПОВА

КАК УЖИТЬСЯ ЛЮДЯМ ДРУГ С ДРУГОМ

Клод БОНЖАН,
французский журналист

Франция больна грубостью. Эпидемия ее свирепствует в Париже и постепенно распространяется на другие города. С треском захлопывается перед носом дверь; не дослушав фразы, бросает телефонную трубку собеседник; при встрече французы нехотя бросают друг другу «привет», с трудом выдавливая «спасибо», едва цедят сквозь зубы «извините». Кассирша решительно не желает замечать вас, официант откровенно хамит, случайный прохожий на самый невинный вопрос отвечает грубостью.

Что же происходит с традиционной нашей любезностью?

В каждом обществе есть свои нормы поведения, иначе как смогли бы люди ужиться друг с другом? Но как часто сегодня мы эти нормы нарушаем. Люди становятся агрессивными, то и дело срываются на крик. Стоит сесть в переполненный поезд метро, пройти по людной улице, встать в очередь — и вы сразу начинаете нервничать.

«Пожалуйста, говорите со мной ласково!» — умоляет табличка возле стола секретарши. «У меня слабое сердце!» — предупреждает надпись в отделе кадров. Плакатик, вывешенный в газетном киоске, строго сообщает: «Здесь не справочное бюро. Но если вы будете вежливы, я отвечу на все ваши вопросы». Объявление на почте гласит: «Гримаса недовольства требует гораздо больших мускульных усилий, чем улыбка. Так улыбайтесь!»

Мы вдруг затосковали о благопристойности былых времен, которая гарантировала хотя бы минимальное уважение к человеку. Понятия о приличиях, которые вырабатывались веками, в большинстве своем устарели. Они плохо согласуются с современным образом и ритмом жизни. Раньше, например, считалось неприличным разговаривать с кем-то, держа руки в карманах. Сегодня это мало волнует нас. Зато мы будем крайне возмущены, если какой-то автомобилист перебудит целый квартал, назойливо сигналив в ночной тишине. И скоро настанет день, когда такое

поведение будет строжайше запрещено (как сравнительно недавно было запрещено плевать в помещениях). Автомобилист — новая «порода» людей, воспитание его только началось. И что такое правила вождения, как не свод норм вежливости автомобилистов?

Формы проявления вежливости меняются, старые исчезают, новые только пробивают себе дорогу. Между теми и другими неопределенность и смятение.

Каждый человек вкратце проходит тот же процесс цивилизации, который человечество прошло за многие века. Так, чистоплотность возникла не только из личной потребности: человек приводил себя в порядок, чтобы не быть противным другим людям. Правила поведения за столом, во время разговора, в транспорте тоже продиктованы необходимостью. Уже потом «вынужденность» стала «срабатывать» автоматически.

Принятые нами нравы и обычаи французская аристократия когда-то создавала, чтобы выделиться из простого люда. Городская буржуазия перенимала у нее «хорошие манеры» и постепенно распространяла их среди всех горожан. Происходило это медленно. Столовой вилкой, например, король Генрих Третий начал пользоваться уже в XVI веке, а крестьяне приняли ее в свой обиход лишь триста лет спустя.

Отголоски традиций королевского двора живы и по сей день. Но сегодня наше общество становится все более демократичным. И автоматизм вдруг перестает срабатывать, общепринятые нормы поставлены под вопрос. Вежливости наших дедов предъявлено серьезное обвинение — ее упрекают в том, что она помогала закабалению людей. Теперь же любые «табу», всякое неравенство отвергаются. Почему, спрашивается, надо вести себя так, а не иначе? Почему это запрещено, а то позволено? В чем смысл правил поведения?

Не существует абсолютно «невинных» обычаев. Благопристойность прежних времен действительно способствовала закреплению неравенства между людьми.

Сегодня никто не желает «соблюдать субординацию», в чем-то подчиняться другим, и выражается это порой в элементарной грубости. «Я вам не служанка!» — кричит продавщица растерянному покупателю. «Я не обязан уступать вам!» — всем своим видом говорит молодой человек старику, робко претендующему на сидячее место.

Проявление вежливости всегда означает некоторое смирение. Разумеется, лаконичное «здрасьте» или «привет» ничем не обяжет вас. Но стоит добавить «здравствуйте, мосье» — и сразу появится оттенок уважительности. Поблагодарить — значит признать себя должником. Извиниться — значит признать свою вину. Уступить место — значит признать право на него другого человека. Эти знаки внимания раньше воспринимались как нечто само собой разумеющееся. Теперь они вдруг становятся неприемлемыми. Смирение? Нет, скорее унижение! — считают многие. Один усомнится, стоит ли нагнуться и поднять оброненный прохожим платок — не унижительно ли это? Другой ни за что не уступит места женщине из страха показаться устарело-галантным.

Мы требуем уважения к себе, но относимся ли с равным уважением к другим людям? Если нет — грубость рождает грубость.

У нас теперь много прав. Но мы слишком часто пользуемся ими «не по делу», и к тому же с изрядной долей наглости. Покупатель угрожает судом продавцу, продавец отвечает тем же покупателю. Клиент ремонтной мастерской вдохновенно поливает грязью мастеров, те с не меньшим энтузиазмом ругают клиента. Телефонистка справочной службы слышит приказ срочно отыскать «номер телефона господина Дюрана, мясника из магазина, что на углу такой-то улицы» или «список всех аптек такого-то района». И отдающего приказ не интересует, что у нее от силы две минуты на каждый ответ.

Служащие приветливо разговаривают только со своими коллегами, продавец доброжелательно обслуживает лишь постоянных покупателей. «Чужаков» встречает безмолвная враждебность. Именно о таких отношениях мечтают некоторые подростки, ибо они согласуются с их чувствами.

— Я здороваюсь, — говорит восемнадцатилетний Фредерик, — только с любимыми учителями.

— Если человек меня не интересуется, — заявляет пятнадцатилетняя Каролина, — я делаю вид, что не замечаю его.

Извечный конфликт между вежливостью манер и вежливостью сердца! Многие французы склонны разрешить его, отменив первую во имя второй.

Но ведь современному миру так нужна вежливость манер! Покупатель в магазине вдруг самовольно проходит за прилавок, чтобы выбрать товар. Пассажир в переполненном вагоне загромождаст пакетами два сидячих места. Кто-то плюет, кто-то рисует мелом в подъезде. Реакция окружающих может быть разной: язвительное замечание, грубая ругань, в худшем случае удар кулаком. В городе в отличие от деревни люди часто не знают даже соседей по лестничной площадке, тем более по дому или улице. И это так же,

как и скученность, становится бедствием городской жизни.

Одно из парижских почтовых отделений недавно переехало. Его служащие, у которых в старом районе уже давно установились самые дружеские отношения с посетителями, вдруг увидели перед собой нетерпеливых и раздраженных «чужаков». Вскоре после вооруженного нападения на почту там были установлены пуленепробиваемые стекла в окошках. Сразу возникли дополнительные трудности общения: кто-то недослышал, кто-то недопонял. Взаимным упрекам и обидам нет конца.

Кстати, в ФРГ триста инструкторов занимаются обучением пятидесяти тысяч почтовых служащих. Цель занятий — снять крайнюю напряженность в отношениях между эмансипированными клиентами и строптивыми почтовиками.

Франция, еще недавно в основном сельская, с большим трудом приравнивается к городской цивилизации. Мы постоянно балансируем между двумя определениями, которые давали вежливости греки. Одно из них близко по смыслу к слову «дружба», другое — к слову «порядок». Нам хочется отдать предпочтение эмоциям в ущерб формальному этикету — «дружбе» в ущерб «порядку». Но вежливость сердца неотделима от вежливости манер! Значит, надо изобрести новые правила поведения. Смазать скрипящие колеса телеги общения людей.

В крупных магазинах уже открываются курсы обучения продавцов профессиональной вежливости. Подняться с места навстречу покупателю, осведомиться о его желаниях, поблагодарить за покупку — конечно, все это дело элементарной «техники». Но ведь вежливость и есть прежде всего техника общения людей, утраченный XX веком способ их совместной жизни. Секрет его мы и пытаемся на ощупь отыскать.

В нашем обществе существуют островки вежливости, сохраняющиеся просто в силу насущной необходимости. Военные корабли — одна из таких «планет вежливости». Это мирки, у жителей которых в высшей степени развито чувство ответственности. Военный корабль — это миниатюрная модель человеческого общества, группа людей, живущих на крайне ограниченной площади, привыкших к состоянию риска. Их солидарность и доверие друг к другу стали здесь необходимыми условиями выживания.

На подводной лодке пятьдесят человек живут и работают в пространстве, равном автобусному. Как можно в таких условиях вынести бесцеремонность, агрессивность, равнодушие и вызывающий эгоизм, свойственный большинству

горожан? Если бы на борту корабля жили так, как живут сегодня парижане, весь флот давно взорвался бы! Резкость отношений между людьми, бесконечные конфликты вывели бы из строя больше кораблей, чем любое минное поле.

Человек, не моющий ног, в каюте, где спят пятнадцать матросов, становится социально опасным элементом. Здесь поостережешься будить соседей по койке, уходя в четыре утра на вахту. И, вернувшись с вахты, не станешь с грохотом сбрасывать ботинки.

На корабле царит утонченная любезность, которая в другом месте вызвала бы улыбку. Она стала уже забытой роскошью, и тем не менее она украшает жизнь! «Позвольте ли вы мне закурить трубку?» — церемонно спрашивает входящий в кают-компанию.

Встречаясь каждое утро, все с изысканной учтивостью приветствуют друг друга. Обслуживающий персонал одинаково внимателен и к младшим офицерам, и к адмиралу. «Офицеры кают-компания младших офицеров просят господина X оказать им честь и пожаловать к ним на обед в 12 часов». Чтобы ответить на это приглашение в духе лондонского клуба XIX века, приглашенному достаточно перешагнуть узкий коридорчик, разделяющий каюты.

И когда люди рядом с вами, прежде чем войти, стучат в дверь, когда умыльщик не забит чужими волосами, когда все уступают друг другу дорогу, невольно хочется сказать по примеру остальных: «Здравствуйте, ваша честь, как поживаете?»

И получить в ответ: «Благодарю вас, друг мой, превосходно! И погода сегодня прекрасная, не правда ли?!»

Рис. С. ТЮНИНА

Перевела с французского
С. ФЕДОРИНА

ЧТО СНИМАЮТ

Шарон Белафонте — начинающая киноактриса, и в ее популярности, конечно, немалую роль сыграла фамилия отца, Гари Белафонте — «короля» калипсо, снявшегося в десятках фильмов. Но, как считают критики, Шарон унаследовала не только имя, но и талант родителя.

В Голливуде идет смена поколений. Коснулась она и 44-летнего Роберта Редфорда (советским зрителям он знаком по фильмам «Погоня» и «Три дня «Кондора»). Он собирается полностью переключиться на режиссуру, в которой, кстати, тоже не новичок: его фильм «Обыкновенные люди» имел большой успех в США. Недавно Редфорд решил покинуть Голливуд и основать свою собственную кинокомпанию. «Я устал от этого постоянного страха, — говорит Редфорд, — весь город живет в страхе, хотя эра фильмов ужасов, кажется, уже прошла».

Последнее, впрочем, не совсем верно. Среди самых кассовых фильмов США за 1981 год половина — фильмы ужасов или фантастические фильмы, изобилующие всякими страшилищами, над созданием которых столь усердно трудятся голливудские художники и гримеры. Показать схватку динозавров? Пожалуйста. Превратить актера в клыкастое чудовище? Всегда готовы. Правда, для этого тоже требуется талант.

ЧЕМ РАНЬШЕ, ТЕМ ЛУЧШЕ!

Спорт заметно «помолодел». Гимнастикой дети начинают заниматься с 6—7-летнего возраста, и на соревнованиях все больше медалей достается совсем еще юным спортсменам. К воде ребятшек приучают с пеленок, и многие мировые рекорды установлены 14—15-летними пловцами.

А с какого возраста можно начинать подготовку хоккеистов? Этому вопросу уделяют много внимания в типично «нехоккейной» стране — Италии. Итальянские специалисты считают, что человек одного года от роду должен одновременно учиться ходить и стоять на коньках. Года в два ему уже можно доверить клюшку. И приблизительно к 6 годам хоккеист готов.

СРЕДСТВО ОТ ВОРОВ. «Машина генерального штаба мафии», — написал на своем новом автомобиле нью-йоркский банкир после того, как у него угнали три предыдущие машины.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ДЛЯ ТУРИСТОВ. Газета «Коррьера дела серра» опубликовала план Милана с указанием мест, где крадут часы, где — дамские сумочки, где — мужские бумажники, где можно купить наркотики.

ДЛЯ ДОМА, ДЛЯ СЕМЬИ. Новую настольную игру предложили американским потребителям изобретатели игрушек из Балтимора. Она называется «Смертная казнь», и суть ее проста: двигая фишки, один игрок делает все, чтобы усадить преступника (похитителя детей, убийцу или отравителя) на электрический стул. Второй играющий, естественно, препятствует этому.

Предыдущая игра изобретателей называлась «Кому нужна эта работа». Двигая фишки, игрок-фирма делает все, чтобы игрок-безработный не получил места. Игривые изобретатели любят свою работу.

ЧТО ПОЮТ

Перед вами Ринго Старр в окружении — нет, не друзей, не поклонников — телохранителей. После убийства Джона Леннона бывший барабанщик «Битлз» появляется на людях только в их компании, а его машину всегда сопровождает еще и полицейский на мотоцикле. Хорошо, что новая компания знаменитого барабанщика не мешает ему работать: недавно вышла его пластинка «Остановись и понюхай розы», а после нескольких фильмов, где он снялся в главных ролях, его считают неплохим актером. Правда, жена все равно недовольна и уговаривает его вернуться в «добрую старую Англию», но Ринго Старр непреклонен. «Конечно, вся эта охрана обходится недешево,— говорит он.— Но в Англии — налоги. Это обойдется еще дороже».

А теперь о двух музыкальных сенсациях. На фестивале песни «Дрезден-81», куда съехались популярные исполнители из 13 стран, победу одержала певица из Вьетнама Ай Ван Ха Ти. Она же получила и приз зрителей.

В Нью-Йорке дали совместный концерт Поль Саймон и Арт Гарфункель. В возможность воссоединения этого популярного в 60-е годы дуэта мало кто верил — Саймон и Гарфункель расстались несколько лет назад и продолжали свою карьеру как солисты. Стоит ли говорить, какой интерес у любителей музыки вызвало сообщение об их концерте! Причем никто не рассматривал его как чисто музыкальное событие. «Для публики, да и для нас самих это будет прекрасная возможность вновь почувствовать себя молодыми», — сказал Поль Саймон.

ЧТО НОСЯТ

«Модно то, что ношу я», — говорила когда-то французская законодательница мод Коко Шанель. Ей же принадлежит и еще один модный афоризм: «Модно то, что удобно». И в сегодняшней одежде критерий «удобно» стал определяющим. Здесь, на фотографиях, вы видите модели, которые предлагают на лето 1982 года французские и чехословацкие модельеры. Не правда ли, они не противоречат мадам Шанель?

СЕКРЕТ КРАСОТЫ. Реклама косметического салона в Монте-Карло. «После трех визитов к нам вы будете выглядеть, как ваша дочь, после шести — как внучка. Дальнейшие посещения салона на вашу ответственность».

Джим Рейдер осторожно поднял голову над подоконником, разглядывая пожарную лестницу и узкую аллею под ней. На аллее стояли три мусорных бака и ржавая детская коляска. Секунду спустя из-за самого дальнего бака показалась рука, в которой что-то поблескивало. Рейдер втянул голову в плечи. Пуля просвистела над ним и вонзилась в потолок, обдав Рейдера осыпью штукатурки. Теперь он знал, что наблюдают не только за дверью, но и за аллеей тоже. Растянувшись во весь рост на потрескавшемся линолеуме, он уставился на пробитую пулей дыру в потолке и прислушался к доносившимся из-за двери звукам.

Рейдер был высоким мужчиной с налитыми кровью глазами и двухдневной щетиной на щеках. От усталости и грязи лицо его покрылось темными полосами, страх исказил его черты, мускулы напряглись и нервно дрожали. Ожидание смерти сделало его неузнаваемым.

Джим перевернулся на живот и принялся осматривать темную холодную квартирку, куда его загнали убийцы. Идеальный маленький гробик с дверью и пожарной лестницей. В квартирке была крошечная ванная комната без окон. Он заполз туда и встал на ноги. В потолке зияла рваная дыра шириной почти в четыре фута. Если б можно было как-то расширить ее и пролезть в квартиру этажом выше...

Послышался приглушенный стук. Убийцам не терпелось добраться до своей жертвы, и они начали ломать дверь. Рейдер опять посмотрел на дыру в потолке. Нет, проделать лаз пошире он не успеет.

Но ведь должен же кто-то ему помочь! Рейдер вытащил из кармана миниатюрный телепередатчик. Картинка была размытая, и он даже не стал настраивать аппарат: ему вполне хватало одного только звука. Он прислушался к сочному голосу Майка Тэрри, обращавшегося к огромной аудитории.

— Да, друзья, Джим Рейдер попал в дьявольски трудное положение,— вещал Тэрри.— Если вы помните, он скрывался под чужим именем в одной дешевой гостинице на Бродвее.казалось, там ему ничто не угрожало, однако коридорный опознал его и выдал людям Томпсона.

Дверь скрипела под ударами. Рейдер увеличил громкость.

— Джиму Рейдеру только что удалось бежать из гостиницы. Спасаясь от

погони, он заскочил в подъезд многоквартирного дома номер сто пятьдесят шесть по Уэст-Энд-авеню, намереваясь убежать по крыше. Возможно, это и удалось бы, но дверца на чердак была заперта. Казалось, все кончено, но тут Рейдер обнаружил, что в открытой квартире номер семь никто не живет. Он вошел...— Здесь Тэрри сделал паузу, чтобы взвинтить зрителям нервы, и крикнул:— И вот он в ловушке! Парни Томпсона ломают дверь, пожарная лестница под наблюдением. Наша съемочная группа, находящаяся в доме напротив, дает крупный план. Смотрите, смотрите! Неужели у Джима Рейдера не осталось никакой надежды?

— Пойдите, пойдите! — закричал Майк Тэрри.— Джим Рейдер, держись! Может быть, не все еще потеряно! Мне тут звонят по проводу для добрых самаритян. Один из них изъявил желание помочь тебе! Джим Рейдер, ты меня слышишь?

Петли с треском отрывались от дверного косяка...

— Говорите, сэр,— произнес Майк Тэрри,— назовите ваше имя.

— Э... Феликс Бартоломью.

— Не нервничайте, мистер Бартоломью. Говорите, прошу вас.

— Ну... Мистер Рейдер,— послышался дрожащий старческий голос,— я раньше жил в той самой квартире, где они вас обложили. Слушайте, мистер Рейдер, в ванной есть окошко. Оно замазано краской...

Рейдер сунул передатчик в карман, отыскал на стене контуры закрашенного окна, размахнулся и ударил. Стекло разлетелось, и в образовавшееся отверстие хлынул свет. Сбросив на пол осколки, Рейдер выглянул наружу. Внизу виднелся вымощенный бетонными плитами дворик.

Петли оторвались от притолоки, и он услышал, как распаивается дверь. Рейдер быстро вылез в оконный проем,

на секунду повис, уцепившись за раму, и бросился вниз. Удар о землю оглушил его. Покачиваясь, он встал на ноги. В разбитом окне появилась голова.

— Не повезло тебе,— проговорил убийца и принялся старательно наводить свой кольт.

В тот же миг в ванной загорелась дымовая шашка. Убийца выстрелил и промахнулся. Еще несколько шашек загорелось во дворе, и фигура Рейдера скрылась в дыму. Он услышал неистовый крик Майка Тэрри:

— Беги! Спасайся, Джим Рейдер! И благодари добрую самаритянку Сару Винтерс, живущую в Броктоне, штат Массачусетс, в доме номер 3412 по Эдгар-стрит. Это она купила на свои деньги пять дымовых шашек и наняла человека, чтобы бросить их! — Тэрри продолжал: — Сегодня вы спасли жизнь человека, миссис Винтерс.

Больше Рейдер не слушал. Мимо веревки с болтавшимся на них бельем он выбежал со двора и, пригнувшись, двинулся по Шестидесят третьей улице. Его шатало от напряжения и голода. Глаза слипались, кружилась голова.

— Эй, вы!

Рейдер оглянулся. На крыльце большого жилого дома сидела женщина средних лет.

— Вас ведь зовут Джим Рейдер, не так ли? — хмурясь, спросила она.— Тот самый Рейдер, которого хотят убить?

Он отвернулся и побежал дальше.

— Идемте со мной, мистер Рейдер,— скомандовала женщина.

Это могла быть и ловушка, но Джим знал, что всецело зависит от людского милосердия. «Верь людям,— сказал ему Майк Тэрри.— Они тебя в обиду не дадут». Он прошел в гостиную. Женщина предложила ему сесть, вышла и тут

Роберт ШЕКЛИ,
американский писатель

Фантастический
рассказ

**Премия
за риск**

же вернулась с тарелкой тушеного мяса. Пока он ел, хозяйка разглядывала его, будто обезьяну, уплетающую земляные орехи в зоопарке. Из кухни вышли двое ребятишек и тоже уставились на него. Трое мужчин в комбинезонах появились из спальни и направили на Рейдера телекамеру. Глотая пищу, беглец смотрел на экран и слушал громкий взволнованный голос Майка Тэрри.

— Вот он! — кричал тот. — Вот Джим Рейдер. Он ест впервые за последние двое суток. Сейчас наши операторы покажут вам эту сцену! Спасибо, ребята... Рейдер нашел временное пристанище у миссис Вельди О'Делл. Спасибо вам, добрая самаритянка О'Делл!

— Вам надо спешить, — сказала миссис О'Делл.

— Да, мэм, — ответил он.

— Я не хочу, чтобы в моем доме стреляли.

— Да, Джим, — бубнил Майк Тэрри, — тебе надо торопиться. Убийцы уже совсем рядом. Они не дураки, Джим. Эти люди порочны, развращены, одержимы, но тупицами их не назовешь. Они идут по твоему следу, ты ведь поранил руку, Джим!

Только сейчас до Рейдера дошло, что он обрезал ладонь, когда прыгал из окна.

Рис. Е. ВИЛЮКОВОЙ

— Я перевяжу, — предложила миссис О'Делл.

Он встал и протянул ей руку. Наложив повязку, она подала ему коричневый пиджак и серую шляпу с обвисшими полями.

— Одежда моего мужа, — сказала она.

— Он замаскирован, друзья! — радостно закричал Майк Тэрри. — Это что-то новенькое! Джим Рейдер изменил внешность, но ему надо продержаться еще семь часов. Только через семь часов наш беглец будет в безопасности!

— Теперь уходите, — проговорила миссис О'Делл.

— Ухожу, — пробормотал Рейдер. — Спасибо вам.

— Я думаю, вы просто дурак, — сказала она. — Иначе не ввязались бы в это дело.

Добравшись до Бродвея, он сел в поезд метро и поехал к Пятьдесят девятой улице, там сделал пересадку и помчался на Восемьдесят шестую. Здесь он купил газету, забился в мангассетский экспресс и взглянул на часы. Еще шесть с половиной часов... Поезд с ревом несся под Манхаттаном. Рейдер, прикрыв газетой перевязанную руку, надвинув шляпу на лицо, закрыл глаза и с легким недоумением вспомнил те времена, когда в его жизни не было никаких опасностей и тревог.

Два года назад он спокойно работал подручным у шофера грузовика, был скромным парнем, даже слишком скромным, чтобы о чем-то мечтать. Этим за него занимался шофер.

— Почему бы тебе не попробовать выступить на телевидении, Джим? — спрашивал он. — Я бы и раздумывать не стал, будь у меня твоя внешность. Они там любят средненьких молодых людей, симпатичных и не слишком умных.

Владелец местного радиомагазина поддержал шофера:

— Понимаешь, Джим, публике надоели бесстрашные натренированные атлеты. Они не вызывают симпатии и сочувствия, потому что никто из зрителей не может поставить себя на их место. Людям нравятся острые ощущения, но не нравится, что какой-то типчик получает за это пятьдесят тысяч в год. Поэтому обычные развлекательные программы сейчас в упадке, а на «трепет-шоу» начался бум. В старые времена надо было становиться хоккеистом, футболистом или боксером. Тогда тебе на законном основании вышибали мозги и платили за это деньги. А теперь такое право имеют и простые смертные вроде тебя.

Вскоре Джим послал в программу «Шанс» письмо, приложив к нему свою фотографию. «Шанс» клюнул. Компания Джей-би-си выяснила его социальное происхождение и политические симпатии, после чего Рейдера вызвали в Нью-Йорк на переговоры с мистером Моуленом.

Моулен оказался смуглым нервным человечком, непрерывно жующим резинку.

— Вы нам подходите, — прошипел

он. — Только не для «Шанса». Сначала попробуем вас в «Крахе».

— Если выиграете или займете второе место, получите тысячу долларов. Проиграете — поощрительный приз в сотню долларов. Но это не суть важно. «Крах» — только первая ступень. Тех, кто побеждает или занимает вторые места, приглашают в «Тупик». Там гонорары выше.

— Я знаю, сэр.

— А если и в «Тупике» все пойдет как надо, вас возьмут в «Шанс» или в «Опасности подводного мира», за эти передачи платят бешеные деньги. Как далеко вы продвинетесь, зависит только от вас.

— Я сделаю все, что в моих силах, — пообещал Рейдер.

Моулен на секунду перестал жевать.

— Ты справишься, Джим! — с пафосом произнес он.

Они обменялись рукопожатием, и Рейдер подписал бумагу, которая снимала с телекомпании Джей-би-си всякую ответственность на тот случай, если он погибнет, станет калекой или сойдет с ума.

Три недели спустя он выступил в «Крахе». В программе были автомобильные гонки. Необученных водителей посадили в мощные американские и европейские спортивные машины и пустили по смертельно опасной двадцатимильной трассе. Рейдер трясся от страха в своем «мазератти», вся эта гонка казалась каким-то визжащим кошмаром. Горели шины. Рейдер держался сзади, решив подождать, пока лидеры не свернут себе шеи на виражах. Он вышел на третье место, когда столкнулись мчавшиеся впереди «ягуар» и «альфа-ромео». А за 50 ярдов до финиша у лидера что-то заклинило, и Джим занял второе место.

Его пригласили в программу «Тупик». Эта передача не носила соревновательного характера. Каждый участник здесь должен был проявить личную инициативу и смекалку. Перед началом Рейдера накачали наркотиками до такой степени, что он потерял сознание. Очнулся в кабине маленького самолета. Высота — 10 тысяч футов, включенный автопилот, топливные баки почти пусты. Парашюта, естественно, не было. Раньше он, разумеется, никогда не летал и вот теперь должен был посадить самолет. Тысячи зрителей замороженно смотрели, как этот «типичный» парень, такой же, как и любой из них, выбирается из критической ситуации.

Рейдеру удалось кое-как посадить самолет. Коснувшись земли, машина несколько раз перевернулась, но ремни безопасности удержали Джима в кресле, а двигатель вопреки ожиданиям не взорвался.

Он выбрался из кабины с двумя сломанными ребрами, тремя тысячами долларов и приглашением выступить в программе «Тореро» после выздоровления.

В «Тореро» ему заплатили десять тысяч за то, что он заколол шпагой быка. Шоу снимали в Мадриде, и та-

мошная публика пришла в восторг от рослого неповоротливого американца, а другие участники корриды всячески стремились ему помочь.

Теперь Джим начал понимать, что до сих пор рисковал жизнью за жалкие гроши, а настоящий куш был впереди. Он решил заняться действительно стоящим делом и выступил в «Опасностях подводного мира». Это шоу устроила фирма, выпускавшая мыло «Фэйрледи». Вместе с четырьмя другими участниками Джим облачился в легкий водолазный костюм и погрузился в теплую карибскую воду. Следом за ним в клетке спустили съемочную группу. Рейдер и его соперники должны были отыскать на морском дне сокровище, спрятанное там организаторами передачи.

Подводное плавание в маске и акваланге не такое уж опасное занятие, но режиссеры позаботились о дополнительных трудностях. В том районе, где были запрятаны сокровища, море кишело гигантскими муренами, акулами нескольких видов и прочей поганью.

Вот это было уже по-настоящему головокружительное состязание. Один из участников отыскал сокровище в глубокой расщелине между рифами, но там на него напала мурена. Второй ныряльщик подхватил сундук и мгновение спустя попал в пасть акулы. Прозрачная аквамариновая вода помутнела от крови, которая очень эффектно смотрелась на цветном телеэкране. Сокровище снова пошло ко дну, и когда Рейдер нырнул за сундуком, у него лопнула барабанная перепонка. Он отодрал сундук от кораллов, сбросил пояс со свинцовыми грузилами и начал подниматься, однако футах в тридцати от поверхности его настиг четвертый ныряльщик и попытался отобрать сокровище. Они принялись старательно делать вид, будто колют друг друга ножами, и Рейдеру поранили грудь, но теперь он был опытным бойцом и, изловчившись, вырвал шланг с загубником изо рта своего противника. Вынырнув на поверхность, он передал сокровище на борт дрейфовавшей поблизости шлюпки. Когда сундук вскрыли, в нем оказался пакет мыла «Фэйрледи».

После шоу Рейдеру заплатили 22 тысячи долларов наличными. Однако самым большим успехом было то, что его пригласили в популярнейшее и крупнейшее шоу «Премия за риск». Вот тут-то и начались настоящие опасности...

Поезд метро остановился, и нить воспоминаний разом прервалась. Рейдер приподнял шляпу и увидел напротив мужчину, который шептал что-то на ухо сидевшей рядом с ним толстухе. Неужели они его узнали?

Как только двери открылись, Джим встал и посмотрел на часы. Еще долгих пять часов...

В Мангассете он сел в такси и попросил отвезти его в Нью-Сейлем.

— Нью-Сейлем? — переспросил водитель, разглядывая его отражение в зеркальце заднего вида.

— Совершенно верно.

Шофер поднял трубку радиотелефона.

— У меня пассажир до Нью-Сейлема.

Машина тронулась. Рейдер нахмурился. Ему показалось, что шофер передал условный сигнал: было в его голосе что-то такое...

— Высадите меня здесь, — сказал Джим.

Он расплатился и пошел по узкому проселку, петлявшему в чахлам лесу, где вряд ли можно было укрыться в случае опасности. Рейдер брел, выискивая укромное местечко, чтобы спрятаться, когда увидел приближающийся к нему тяжелый грузовик. Джим надвинул шляпу на глаза, но когда грузовик был уже рядом, из кармана, где лежал телепередатчик, послышалось восклицание: «Берегись!»

От метнулся в кювет. Грузовик пронесся мимо, резко затормозил, и секунду спустя водитель машины дико закричал:

— Вот он! Стреляй, Гарри, стреляй!

Беглец бросился в чащу. Пули хлестали по веткам деревьев.

— Ну вот! — вешал Майк Тэрри писклявым от волнения голосом. — Боюсь, что Джим Рейдер поддался ложному чувству безопасности. Ты слишком беспечен, Джим! Не забывай: на карту поставлена твоя жизнь, и убийцы преследуют тебя по пятам. Будь осторожен, Джим, ты должен продержаться еще четыре с половиной часа!

— Они окружают тебя, Джим Рейдер! — закричал Тэрри. — Но ты еще не в их лапах. Скажи спасибо доброй самаритянке Сюзи Питерс из дома номер 12 на Элм-стрит в Саут-Орэндже, штат Нью-Джерси. Это она крикнула: «Берегись!», когда грузовик приблизился к тебе. Через несколько минут маленькая Сюзи даст нам интервью... Смотрите, друзья, вертолет нашей телекомпании прибыл на место действия. Сейчас вы увидите бегущего Джима и убийц, которые окружают его!

Пробежав по лесу около ста ярдов, Рейдер очутился на бетонном шоссе. Один из убийц продирался сквозь заросли и был уже совсем рядом. Грузовик вырулил на примыкавшую к шоссе дорогу и помчался туда, где стоял Джим. Сейчас он находился примерно на расстоянии мили. С противоположной стороны приближалась легковая машина. Рейдер выбежал на середину шоссе и принялся отчаянно голосовать.

— Живей! — крикнула молоденькая блондинка, сидевшая за рулем.

Рейдер прыгнул в машину, и девушка круто развернула ее. Пуля разбила ветровое стекло. Блондинка надавила на акселератор, чуть не сбив одного из убийц, который попытался преградить им путь.

Откинувшись на спинку сиденья, Рейдер зажмурил глаза. Девушка вела автомобиль, напряженно следя за грузовиком через зеркальце заднего вида.

— Джим Рейдер снова вырван из лап смерти! — в экстазе воскликнул Майк Тэрри. — Это стало возможным благодаря доброй самаритянке Янис Морроу,

которая живет в Нью-Йорке, в доме 433 по Лексингтон-авеню... Не отходите от экранов. Только через четыре часа и десять минут Рейдер вздохнет свободно, а за это время всякое может случиться!

— О'кэй, — сказала девушка. — Сейчас нас не снимают. Слушайте, Рейдер, что это с вами творится, черт возьми?

— А?.. — рассеянно откликнулся Джим. На вид его спасительнице было чуть больше двадцати лет. Она была очень привлекательна, но казалась рассерженной и неприступной.

— Мисс, — произнес он, — не знаю, как вас благодарить...

— Не надо, — ответила Янис Морроу, — я не добрая самаритянка, а сотрудница Джей-би-си.

— Значит, мое спасение — это часть программы?

— «Пять» за сообразительность.

— Но почему?

— Это шоу дорого стоит, Рейдер. Если мы потеряем хоть часть аудитории, всем нам придется торговать засахаренными яблоками на улице. Поэтому мы обязаны обеспечить счастливый конец, даже если он и не входит в ваши планы.

— Что?! Как так не входит?

— Вы, похоже, прямо мечтаете попасть на тот свет. Неужели вы так и не научились технике выживания?

— Я делаю все, что могу.

— Головорезы Томпсона уже раз десять пристрелили бы вас, не попроси мы их поиграть в поддавки, но сейчас им просто пришлось бы вас прикончить, не появившись тут я.

Рейдер уставился на нее.

— Не смотрите на меня так, — проговорила она. — Вы рискуете жизнью за большие деньги, мой мальчик, и не надо прикидываться наивным бакалейщиком, которому кажется, что за ним гонятся привидения. Это будет в другой программе.

— Я знаю, — ответил Рейдер.

— Не умеете нормально жить, так хоть умереть попробуйте достойно.

— Но это невозможно...

— Все возможно. Шоу кончается через три часа сорок минут. Останетесь в живых — прекрасно. Но если уж собрались сыграть в ящик, то хотя бы доставьте удовольствие зрителям. Они же за него заплатили.

— Через несколько минут снова начнется съемка. Я устрою поломку в моторе и высажу вас. Теперь люди Томпсона кокнут вас, как только поймут, поняли?

— Понял, — ответил он. — Если я спасусь, мы еще увидимся?

Она сердито закусил губу.

— Вы что, смеетесь?

— Нет, мне и правда хочется встретиться с вами. Можно?

Она с любопытством взглянула на него.

— Не знаю. Сейчас начнется съемка. Думаю, вам лучше всего скрыться вон в том лесу справа от дороги. Вы готовы?

— Да. Где мне вас найти после всего этого?

— В манхаттанском телефонном справочнике.— Она остановила машину.— Бегите.

Он открыл дверцу.

— Пойдите! — Она наклонилась и поцеловала его.— Удачи вам, дурачок. Позвоните мне, если выкрутитесь.

Спустя секунду он уже бежал к лесу.

Рейдер пронесся сквозь березовые и сосновые посадки мимо случайно затесавшегося сюда домика, в окнах которого виднелись удивленные физиономии. Вероятно, кто-то из обитателей этого дома и навел гангстеров, потому что, когда Джим приближался к оврагу, они были уже почти рядом.

Рейдер спустился в овраг, зарылся в густой кустарник и притих. Люди Томпсона появились сразу на обоих склонах и медленно пошли вдоль оврага, следя, не шевельнется ли что-нибудь.

Раздался резкий хлопок выстрела. Один из головорезов убил белку. Она судорожно дернулась и замерла. Лежа в кустах, Рейдер услышал рев вертолета над головой. Интересно, направлена ли на него хоть одна камера? Как он хотел жить! Сейчас ему было совершенно наплевать на гонимый. Видимо, он и правда сошел с ума, раз согласился участвовать в этом представлении...

Неделю назад его вызвали на студию, чтобы познакомиться с другими участниками шоу. Перед телекамерой его радушно приветствовал Майк Тэрри.

— Итак, мистер Рейдер,— торжественно обратился он,— знаете ли вы правила игры, в которую собираетесь играть?

Рейдер кивнул.

— Согласившись, вы превратитесь в человека, за которым охотятся, и это будет продолжаться ровно неделю. По вашему следу пойдут убийцы, Джим, опытные убийцы, люди, которых скоро осудят за другие преступления и которым гарантирована неприкосновенность на все время погони за вами. Они попытаются вас прикончить, вы отдаете себе в этом отчет?

— Отдаю,— ответил Рейдер, думая о том, что получит 200 тысяч долларов, если ухитрится прожить семь дней.

Майк Тэрри повернулся к присутствующим зрителям.

— Леди и джентльмены,— сказал он,— у меня в руках копия психологической характеристики Джима Рейдера. В ней говорится, что он здоров, уравновешен и способен отвечать за свои поступки. За двадцать пять центов каждый из вас может получить экземпляр этого документа. Вы не передумали, Джим? — спросил он, снова обращаясь к Рейдеру.

— Нет, не передумал.

— Очень хорошо! — воскликнул Тэрри.— Джим Рейдер, познакомьтесь с людьми, которые, возможно, станут вашими убийцами!

Под негодующие возгласы зрителей на подмостки перед камерой вышла шайка Томпсона.

— Посмотрите на них, друзья,— не скрывая презрения, проговорил Майк

Тэрри.— Нет, вы только посмотрите на них! Это антиобщественные элементы, насквозь порочные и чуждые всякой морали! Наше общество обрекло их на скорый и бесславный конец, ибо оно не намерено терпеть чинимого ими зла. Зрители зашумели.

Майк Тэрри положил руку на плечо Джима Рейдера.

— Вот человек, согласившийся стать вашей жертвой в случае, если вы сумеете настичь его,— сказал он.

— Сумеет,— самоуверенно ответил Томпсон.

— Не говорите «гоп», пока не перепрыгнете. Рейдер — воплощение нашего народа, который в конце концов разделается с вами и вам подобными.

— Мы этого парня успокоим,— пообещал Томпсон.

— Запомните еще одно,— добавил Майк Тэрри,— Джим Рейдер не одинок. С ним вся американская общественность. Ему будут помогать добрые самаритяне из всех уголков нашей огромной страны. Безоружный Джим Рейдер может рассчитывать на поддержку и милосердие всего народа, который видит в нем своего представителя. Поэтому не бахвалитесь раньше времени, Клод Томпсон!

Рейдер поднял глаза и увидел стоявшего рядом с ним толстяка, на шее у него болтался бинокль, а в руке поблескивала трость.

— Вот он где! — закричал толстяк, указывая на Джима концом своей трости.

«Сумасшедший,— подумал Рейдер,— проклятый псих, видно, решил, что мы играем в «казаки-разбойники!»

— Тут он, тут! — продолжал вопить толстяк. Рейдер с проклятиями вскочил на ноги и побежал. Выбравшись из оврага, он увидел вдалеке какое-то белое строение и помчался к нему. Сзади слышались крики:

— Сюда, сюда! Неужто вы его еще не заметили, дураки несчастные?

Убийцы снова открыли пальбу. Спотыкаясь о кочки, Рейдер пробежал мимо трех ребятшек, игравших в шалаше.

— Вот он,— закричали дети.— Вот он!

Застонав, Рейдер понесся дальше. Белое здание оказалось церковью. Джим уже открывал дверь, когда одна из пуль угодила ему в правую ногу, чуть ниже колена. Он упал и заполз внутрь.

— Что за концовка, друзья, что за концовка! — донеслось из его телепередатчика.— Рейдер ранен! Но все-таки не сдастся. Не сдастся, хотя испытывает адскую боль. Нет, Джим Рейдер не из таких!

Беглец забился в неф возле алтаря. Снаружи слышался возбужденный детский голосок:

— Он здесь, мистер Томпсон, он заполз в церковь! Скорее, скорее, вы еще успеете его поймать!

«Неужели и в церкви будут стрелять?» — подумал Рейдер.

Дверь распахнулась, и он понял, что его преследователям наплевать на древний неписанный закон. Собрав по-

следние силы, Рейдер прополз мимо алтаря и выкатился из церкви через черный ход.

Он очутился на старом кладбище и пополз между крестами, мраморными и гранитными надгробиями, грубыми деревянными досками. Пуля ударила в обелиск рядом с головой Джима, и на него обрушился град осколков. Рейдер подполз к краю свежерытой могилы и беспомощно соскользнул на дно. Лежа на спине, он смотрел в голубое небо и ждал. Вскоре над ним нависла черная тень, и послышался металлический щелчок. Человек наверху прицелился, и Джим понял, что все кончено.

— Томпсон, остановитесь!!! — взревел Майк Тэрри.— Остановитесь!!!

Револьвер дрогнул.

— Одна секунда шестого! Неделя истекла! Джим Рейдер выиграл!

Донесшийся из передатчика гул возвестил о столпотворении, которое началось в студии. Томпсон и его подручные мрачно столпились вокруг могилы.

— Он победил, друзья, он победил! — вопил ведущий.— Взгляните на ваши экраны. На место действия прибыли полицейские, они уводят головорезов от человека, который так и не стал их жертвой. Не стал лишь благодаря вам, добрые самаритяне Америки. Смотрите, друзья, заботливые руки осторожно вытаскивают Джима Рейдера из могилы, которая послужила ему последним укрытием. Добрая самаритянка Янис Морроу тоже там. Как знать, может быть, мы присутствуем при зарождении счастливой любви? Кажется, Джим потерял сознание. Сейчас ему дают какое-то стимулирующее средство. Он выиграл двести тысяч долларов! А теперь мы попросим победителя сказать несколько слов. Слушайте Джима Рейдера, друзья!

Передатчик ненадолго умолк.

— Странно,— произнес наконец Майк Тэрри.— Друзья, боюсь, что сейчас Джим не сможет ничего сказать. Врачи как раз осматривают его. Одну минутку...

После короткого молчания Тэрри вытер лоб и улыбнулся.

— Это от напряжения, друзья, от страшного напряжения. Доктор говорит, что Джим Рейдер немного не в себе, но это лишь временное помрачение рассудка. Компания Джей-би-си наймет лучших психиатров и психоаналитиков нашей страны. Ради этого бесстрашного юноши мы готовы сделать все, что в человеческих силах. Разумеется, все расходы мы также берем на себя.

Майк Тэрри посмотрел на висевшие в студии часы.

— Ну вот, друзья, время нашей передачи истекло. Следите за объявлениями о следующем грандиозном «трепет-шоу» компании Джей-би-си. И не волнуйтесь за Джима Рейдера. Уверен, скоро он вновь будет здесь, с нами.

Ведущий опять улыбнулся и, подмигнув зрителям, добавил:

— Он просто обязан поправиться, друзья. Ведь все мы так боеем за него!

Перевел с английского А. ШАРОВ

40-28

«Жил под солнцем Брикстона человек по имени Айвэн. Играл в игру под названием «выживание», но в конце концов...» А что в конце? «Жалости нечего ждать — схватили его, а у него было оружие. Нет смысла обращаться к черной деве Марии — прощай, солнце Брикстона». Эти слова из песни ансамбля «Клэш» «Ружья Брикстона» (об ансамбле мы писали в № 3 за 1982 год). В ней рассказывается о чернокожем жителе лондонского района Брикстон, того самого Брикстона, который «заслужил звание» гетто и в котором летом прошлого года так же, как в ливерпульском Токстете и гетто Манчестера, бунтовала молодежь. Бунтовала против безработицы, дискриминации, безысходности... «Если постучат в твою дверь, как ты их встретишь — с руками на затылке или на спусковом крючке?.. Вы давите нас, вы калечите нас, но вы получите в ответ ружья Брикстона», — поет «Клэш». Ружей в Брикстоне нет, но ситуация взрывоопасная. Почему? Об этом вы прочтете в материале, опубликованном на стр. 9.

Musical notation for the song 'The Guns of Brixton'. It consists of four staves of music in G minor, 4/4 time. Chords are indicated above the notes: Cm, Gm, Cm, Gm, Cm, As, Cm, As, Cm, Gm, Cm, Cm, Gm, Cm, As, Cm, As, Cm, Gm, Cm, Cm, As, Cm, As, Cm, Gm, Cm, As, Cm, As, Cm.

THE GUNS OF BRIXTON

1. When they kick at your front door
How you gonna come?
With your hands on your head
Or on the trigger of your gun?
2. When the law breaks in
How you gonna go?
Shot down on the pavement
Or waiting in death raw?

Припев:

You can crush us,
You can bruise us,
But you'll have to answer
To... Oh, the guns of Brixton.

3. The money feels good
And your life you like it well,
But surely your time will come
As in heaven as in hell.
4. You see he feels like Ivan,
Born under the Brixton sun,
His game is called 'surviving'.
At the end of the harder they come.

Припев.

5. You know it means no mercy.
They caught him with a gun.
No need for the Black Maria,
Good by to the Brixton sun.

Припев.

Индекс 70781
Цена 35 коп.